АНЕКДОТЫ

Достопримѣчательнѣйшихъ происшествій, случившихся въ теченіе нынѣшней войны съ Французами,
или
1) *Безпримѣрныя черты* величія, правосудія и благости
МОНАРХА; 2) *Безпристрастное изображеніе* великаго
духа, твердаго характера, непоколебимой рѣши-
тельности, глубокомыслія, благоразумія и предусмо-
трительности Россійскихъ Полководцевъ; 3) *Не-*
подражаемые примѣры храбрости, неустрашимости,
отважности и терпѣливости воинства; 4) *Неимо-*
вѣрные опыты любви къ ГОСУДАРЮ и Отечеству,
стремительности на поле брани и чести, соревно-
ванія къ общественной пользѣ и къ истинной славѣ
Дворянства; 5) *Чудесная сила* рвенія къ защищенію
святыхъ олтарей, къ назиданію христіанъ въ вѣрѣ
и благомысліи, къ утвержденію въ повиновеніи за-
конному ГОСУДАРЮ и властямъ, отъ Него поста-
вляемымъ, попечительность о благоденствіи и ис-
тинная благонамѣренность Духовенства; 6) *Рази-*
тельныя доказательства доброхотныхъ пожертвова-
ній для Отечества, готовности на защиту безопас-
ности, примѣрной честности и совершеннаго безко-
рыстія купечества и мѣщанства; и наконецъ 7) *Рѣд-*
кія и неслыханныя свойства всѣхъ вообще сословій
Рускаго народа, не только изумившаго свѣтъ лю-
бовію къ Богу и ГОСУДАРЮ, преданностію къ вѣрѣ
и Отечеству, неустрашимостію предъ лицемъ без-
человѣчія и звѣрства, непоколебимостію въ опасно-
стяхъ, терпѣніемъ въ злоключеніяхъ, неуто-
мимостію въ трудахъ и благоразуміемъ въ изобрѣ-
теніи средствъ къ уничтоженію замысловъ гордаго
высокоумія и ухищренія, — но народа, превосходя-
щаго всѣхъ народовъ міра въ человѣколюбіи, благо-
творительности, праводушіи, вѣрности, благодар-
ности, кротости, любви и во всѣхъ христіанскихъ
добродѣтеляхъ,

Съ присовокупленіемъ
противоположныхъ свойствъ и дѣйствій Францу-
зовъ, какъ-то: вѣроломства, лютости, звѣрства,
безчеловѣчія, ненасытности, безвѣрія, разврата, кро-
вожадности, корыстолюбія, тщеславія, несправедли-
вости неблагодарности и другихъ пороковъ и нече-
стій, отличающихъ Французскую націю,

Собранные
Филиппомъ Синельниковымъ.

ЧАСТЬ II.

Печатать позволяется.
С. Петербургъ, 12 Маія 1813 года.

Цензоръ Ст. Сов. и Кавалеръ
Ив. Тимковской.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано въ Типографіи Ивана Глазунова, 1813 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ АНЕКДОТОВЪ

второй части.

Приключенія Добрынина.

Слухъ о приближеніи Французовъ къ Витебску, навелъ страхъ и ужасъ на всѣхъ его жителей. Природные Россіяне начали прежде всѣхъ высылать свое имѣніе изъ домовъ и изъ лавокъ, куда кто могъ, а потомъ и сами удалились. Чиновники, находившіеся въ Статской службѣ, за ними послѣдовали. Въ короткія лѣтнія ночи, когда скрыпъ и стукъ по улицамъ повозокъ, заколачиваніе въ домахъ ящиковъ, вопли и гулы наводили томность и уныніе, — Витебскаго Главнаго суда 2го Департамента Совѣтникъ, Коллежскій Совѣтникъ и Св. Анны 2го класса Кавалеръ, *Гаврила Ивановичъ Добрынинъ*, не имѣя сна, ходилъ взадъ и впередъ по своему саду, и предаваясь глубокой думѣ, не зналъ что начать. Разсуждая, говорилъ онъ самъ себѣ:,, я „человѣкъ устарѣвшій въ Статской службѣ; „сражаться мнѣ ни съ кѣмъ не прійдется: „останусь въ Витебскѣ. Здѣсь у меня до„микъ съ садомъ, а за городомъ заведенъ садъ „и огородъ. Все это приноситъ мнѣ сово„купно до 600 рублей дохода. Ктожъ для „меня, въ замѣну этого, приготовилъ что и „гдѣ? Лучше остаться на одномъ мѣстѣ, не„жели бѣжать неизвѣстно куда, не извѣстно „для чего. Тридцать пять лѣтъ уже, какъ „я живу въ Бѣлоруссіи. Останусь!“

Въ ночи съ 6го на 7е Іюля стучатся къ нему въ дверь. Кто тамъ? — Бумага отъ Губернатора. Читаетъ: „въ 10 часовъ съ полученія сего выбраться Совѣтнику *Добрынину*, и слѣдовать въ городъ Невель съ дѣлами и архивою своею Присудственнаго Мѣста.“

На разсвѣтѣ приходитъ онъ въ свой Департаментъ, и находитъ почти уже все готовымъ. Бумаги въ тюнахъ накладывались на крестьянскіе подводы. На стѣнахъ не было уже ни часовъ, ни зеркала; на столахъ ни суконъ, ни зерцала. Внезапное сіе зрѣлище поразило его. Онъ давно уже страдалъ ревматическимъ въ ногахъ припадкомъ, который въ семъ случаѣ тронулъ его на подобіе паралича. Какъ бы то ни было, онъ тронулъ его не въ пору; ибо онъ имѣлъ уже повелѣніе. Собравшись наскоро, поѣхалъ онъ и повезъ съ собою на 14 подводахъ всѣ Департаментскія дѣла. По дорогѣ и потомъ въ Невелѣ, нашелъ онъ весь Витебскъ съ подобными транспортами, также Гимназію, бѣлое и черное духовенство. Нѣкоторые изъ выѣхавшихъ едва имѣли насущный хлѣбъ, приправленный имъ горькою судьбою. Все это составляло престранной маскерадъ!

По прошествіи четырехъ дней, которые г. Добрынинъ пробылъ въ Невелѣ, разнесся слухъ, о повелѣніи, чтобъ Приказъ общественнаго призрѣнія возвратился въ Витебскъ со всѣми бумагами. Изъ сего не трудно было разчесть, что и ему можно еще съѣздить въ Витебскъ и возвратиться въ Невель. Оставя при архивѣ Канцелярскаго служителя, спѣшилъ онъ забрать послѣднія изъ Витебска

вещи и видѣть оставленнаго имъ при смерти въ домѣ его друга своего, или уже обнять его могилу. Но не успѣвъ доѣхать до Витебска верстъ съ 10, захватили его въ домѣ одного помѣщика человѣкъ съ 30 конныхъ Французскихъ солдатъ. — Это было часу въ 11. предъ полуднемъ. — Прежде всего потребовали они отъ хозяина вина, водки. Напившись, бросились въ глазахъ его разбивать сундуки, шкафы, комоды, бюро; потомъ кинулись въ кладовыя, въ амбары, въ конюшню, въ каретной сарай; взяли коляску, запрягли лошадей и нагружа всѣмъ, что легче и дороже, отобрали и у г. Д-а лошадей съ упряжью, и чемоданъ его, въ которомъ между прочимъ были и деньги, опорожнили. Одинъ изъ грабителей, посмотря на его орденъ, снялъ его, и уже хотѣлъ спрятать; но начальникъ ихъ отобравъ у него возвратилъ Д-у; перешедши мгновенно изъ ужаса въ радость, чуть было не упалъ онъ изъ благодарности на колѣни предъ великодушнымъ въ семъ случаѣ начальникомъ грабительства.

Въ тотъ день случились у хозяина въ гостяхъ сосѣды съ женами и съ малолѣтными дочерьми; у нихъ также отобраны лошади и дрожки и со всѣхъ вообще сняты сапоги.— Одиннадцатилѣтній сынъ друга Г. Д-а находился съ нимъ; учась въ Гимназіи, наслышался онъ, что Французы упредили насъ въ наукахъ, слѣдственно и въ нравственности. — Онъ смотрѣлъ на все безбоязненно; но одинъ изъ сихъ образцовъ нравственности, ударилъ его кулакомъ въ високъ такъ, что онъ ударился другимъ о край дверного замка и про-

билъ себѣ голову. Бѣдной мальчикъ, ощутивъ кровь, сказалъ Г. Д-ну: " не тревожьтесь; мнѣ не больно, только что кровь течетъ." Д-ъ, удаливъ мальчика, самъ скрылся въ темной уголъ каретнаго сарая, и тамъ въ полуразломанной каретѣ просидѣлъ до самой ночи, пока Французы уѣхали. Они вездѣ бѣгали, искали Д-а, чтобы снова съ него снять орденъ; но нигдѣ его не могли найти.

Нещастный хозяинъ скрылся; а гости человѣкъ съ 12. проводили ночь въ гумнѣ. На разсвѣтѣ, по общему совѣту, положено было пробраться версты чрезъ три къ одному Витебскому гражданину С. . ., который также пострадалъ. За неимѣніемъ лошадей, едва могли они найти въ бричку быка, а сами всѣ босикомъ, достигли при всходѣ солнца пристанища — одной горничхи, при коей находились анбаръ и гумно, гдѣ Д-ъ спрятался съ бричкою. Французы посѣтили ихъ и тутъ; они удалились въ кустарники. а Французы забрали у хозяина весь хлѣбъ печеной, одежду, лошадей, скотъ и птицъ; взрыли въ горницѣ и въ анбарѣ полы, и сожгли въ ульяхъ пчелы; изъ брички все забрали, разломали, разбросали и удалились. По удаленіи ихъ, многіе утверждали, что хозяинъ самъ указалъ Французамъ бричку Д-а. Онъ совѣтовалъ Д-у отъ него удалиться, говоря, что бричка сія была причиною и его нещастія. Какъ бы то нибыло, спустя три мѣсяца послѣ сего, Д-ъ видѣлъ хозяина С. . . . шедшаго въ Витебскѣ по улицѣ, въ шинели слуги Добрынина.

Добрынинъ съ двумя своими служителями, перетащили облегченную бричку чрезъ версту, потому что лошадей ни у кого не осталось и водворился въ пуню, (*) стоящую близь перелесковъ и принадлежащую крестьянину помѣщика Е. . . . Здѣсь принесли ему крестьяне воды и ободранныя кресла. Но и тутъ чрезъ 6 дней, солдаты то пѣшіе, то конные не преставали посѣщать брички, и не находя въ ней ничего, ободрали сукно и кожу, и выбросивъ изъ пуховика и подушки пухъ, наволоки унесли съ собою, а Д-ъ съ нѣкоторыми изъ присоединившихся къ нему канцелярскими чиновниками, при каждомъ приближеніи къ нимъ просвѣщеннаго народа, бѣгалъ по лѣсамъ и по болотамъ, и тамъ ночевалъ съ ними.

Не имѣя уже чего терять, Д-ъ переставалъ скрываться; но одинъ изъ новопоявившихся Героевъ, доказалъ ему тактически, что онъ думалъ погрѣшительно. Онъ замахнулся на него саблею, и показывая Прусскую монету, требовалъ подобныхъ ей; но когда Д-ъ указалъ ему на свои босыя ноги; то онъ снялъ съ него шляпу и рубашку. Оставшись въ одномъ халатѣ, слуги его дали ему малицу, а канцелярскіе служители шляпу. Лѣто прекраснѣйшее и наиплодоноснѣйшее изъ всѣхъ Добрынинымъ въ Бѣлоруссіи прожитыхъ, подкрѣпляло его здоровье и сохранило ему жизнь.

(*) Огороженное и покрытое мѣсто, гдѣ немолоченый хлѣбъ складываютъ.

Въ продолженіе 6 или 7 дней, отряды Французской арміи разсыпались и грабили въ помѣщичьихъ и крестьянскихъ домахъ и разоряли всѣхъ тѣхъ, кои съ ними никогда не сражались, крича и увѣряя, что они пришли на защищеніе утѣсняемаго народа. Самъ Князь Сапега, будучи въ Витебскѣ, обнадеживалъ нещастныхъ на Польскомъ языкѣ: „ вы будете разорены, вы будете бѣдны; но будете называться Поляками. " Не извѣстно, такъ ли онъ самъ вѣрилъ, какъ другихъ увѣрялъ, когда вскорѣ послѣ сего дали ему знать, что Французы собственной его дорожной экипажъ со множествомъ золота и другихъ драгоцѣнностей захватили и разграбили между Минскомъ и Вильною?

Наконецъ прибылъ и Наполеонъ въ Витебскъ, и грабежъ безпорядочной пресѣкся; онъ позволялъ при себѣ грабить систематическимъ образомъ — тише и до чиста. Добрынинъ вмѣстѣ съ товарищами своими всего человѣкъ болѣе 300 вынуждены были необходимостію согласиться и итти въ Витебскъ большою дорогою. Женщины иныя несли дѣтей при грудяхъ, иныя вели ихъ за руки; мужчины имъ предшествовали, или слѣдовали, кто какъ могъ, и большая часть была босикомъ. Но ихъ снова атаковали Французы; однакожъ Офицеръ ихъ столько былъ великодушенъ, что увидѣвъ ихъ полунагихъ и ничего неимѣющихъ, велѣлъ пропустить.

При входѣ въ Витебскъ, встрѣтилась маневрирующая конная гвардія. По всѣмъ улицамъ видно было тоже. Во всякомъ до-

лѣ окны набиты были Французами, каждый домъ, сараи, анбары наполнены были ими же. Никого изъ гражданъ не было видно, кромѣ бѣднѣйшихъ и Евреевъ. Лавки и винные погреба стояли пусты. Двери вездѣ отперты, поломаны, стеклы побиты. Окончины расколоты; иныя висѣли вкось по окну на одномъ только крюку. Церкви, *Косціолы, Кляшторы* наполнены были больными, ранеными и всѣми принадлежностьми и запасомъ для нихъ и для лошадей. Витебскъ казался уже не тотъ, что былъ до сего; въ три мѣсяца слишкомъ бытности врага въ немъ, не слышно было ни колокола, ни пѣтуха. На Подвинской улицѣ попался навстрѣчу Д-у молодой шляхтичь Зборовскій, который бывалъ иногда въ Главномъ Судѣ Повѣреннымъ отъ нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ въ губерніи помѣщиковъ. Онъ вскричалъ: Боже! что я вижу! это нашъ Г. Совѣтникъ! Они обнялись и проливали слезы ручьями. — „Вамъ нужно теперь выпить рюмку вина, сказалъ Зборовскій: вотъ моя квартира; пожалуйте ко мнѣ!“ Вошедши и поблагодаря за доброходство, спросилъ его Совѣтникъ: “ вы же чего безпокоитесь? — „А вотъ жена моя — указывая на прекрасную женщину лѣтъ 20ти, лежащую въ постели — она прежде времени разрѣшилась мертвымъ ребенкомъ, испугавшись отъ набѣжавшихъ въ мою горницу побѣдителей.“

Д-ъ, подкрѣпивъ силы свои рюмкою водки, пошелъ домой — не на радость; въ немъ квартировалъ Генералъ Французской. Рѣшетки, отдѣляющія садъ отъ подворья, были по-

ломаны и разбросаны. Вездѣ вокругъ дома и сада проломы; садъ обращенъ въ конюшню и и пастбище. Д-ъ, потерявши и потерпѣвши много, смотрѣлъ уже на все равнодушно: лучше сказать отъ лишней чувствительности пришелъ въ безчувствіе, особливо, когда друга своего нашелъ онъ лежащимъ въ банѣ, отчаянно больнымъ, но при здравой памяти и разсудкѣ. Въ утѣшеніе говорилъ онъ больному: „ежели бы мы и все потеряли, то все ничего, только бы онъ выздоровѣлъ". Больной также обрадовался, сколько болѣзнь ему позволяла и сказалъ: „мы еще не совсѣмъ нещастны, когда находимся вмѣстѣ." Жена больнаго, при нашествіи на домъ непріятельской партіи, схватила въ замѣшательствѣ нѣсколько паръ чайныхъ чашекъ, банку липцу и другихъ мѣлочей и 1000 р. ассигнаціями и зарыла въ грядахъ; но солдаты разсыпались по саду и тотчасъ примѣтили свѣжее копанное мѣсто. Чашки и прочее побили и бросили, а ассигнаціи унесли съ собою.

Когда Д-ъ переночевалъ въ собственномъ своемъ домѣ, то на другой день переводчикъ Генеральнаго штаба, крещенной жидъ, сказалъ служителю его: „здѣсь квартира для Генерала, а въ нее пришелъ человѣкъ неизвѣстный. Онъ долженъ явиться къ Генералу. . . . У насъ судъ короткій; его разстрѣляютъ." Вѣрный служитель отвѣчалъ ему: „что господинъ его пришелъ въ халатѣ, босикомъ, и что ему надобно одѣться и обуться."

Надобно замѣтить, что орденъ, часы, золотая табакерка и 180 руб. ассигнаціями спрятаны были въ землѣ, подъ дикимъ кам-

немъ, гдѣ Добрынинъ скрывался. Вѣрный его служитель, бывшій съ нимъ и въ дорогѣ, убѣдилъ его въ томъ, что надобно послать за сими вещами. Нашедши лошаденку, онъ привезъ оныя какъ будто для того, чтобы господину его показаться къ Генералу не безъ знака.

На другой день надѣвъ сертукъ и сапоги своего друга, явился Добрынинъ къ Генералу въ орденѣ. Генералъ принялъ его ласково, поставилъ самъ стулъ и говорилъ съ нимъ чрезъ переводчика. Добрынинъ, опасаясь затруднить его, далъ ему о себѣ краткую записку, приготовленную заблаговременно, которой содержаніе было: „кто онъ, куда и почему возвращался, и что съ нимъ въ пути случилось, и за симъ откланялся.

На третій день послѣ сего, потребовалъ Генералъ Добрынина къ себѣ, и принявъ его съ великою ласковостью, спрашивалъ: какъ называется его орденъ, какой имѣетъ въ службѣ классъ, и какъ давно служитъ? Переводчикъ спросилъ весьма остроумно; чего стоитъ его орденъ? но Д-ъ отвѣчалъ: „тридцати девятилѣтней службы.“ И тотчасъ обратя взоръ къ Генералу, сказалъ ему: что Д-ъ на орденъ получилъ отъ Государя своего рескриптъ. Генералъ угощалъ Добрынина Французскимъ виномъ изъ стакановъ сего послѣдняго и сказалъ: „нашъ Государь вашему Государю другъ. Вы какъ служили одному изъ нихъ, такъ можете служить и другому. Наполеонъ самъ это подпишетъ на общей бумагѣ, такъ какъ подписалъ въ Варшавѣ и въ Вильнѣ.“ Д-ъ конечно далъ бы ему на сіе

отвѣтъ; но какъ участь его была похожа на Лесажева Жилблаза въ подземельномъ жилищѣ у разбойниковъ, или на Волтерова Гурона подъ тремя засовами въ темницѣ; то онъ вставъ со стула, поблагодарилъ его поклономъ и сказалъ: что желалъ бы онъ, чтобы записка его, поданная ввечеру Его Превосходительству, была переведена. Онъ отвѣчалъ, что она переведена и читана. — Д-ъ поклонился въ другой разъ и вышелъ.

Французскій Генералъ простоялъ въ домѣ Д-а дней 12, и всегда, когда сей къ нему приходилъ съ визитомъ, подчиваемъ былъ виномъ или Французскою водкою; но кромѣ визита, входить ему въ свои покои не позволяли, а служители, штатъ его, солдаты производили каждодневныя отъ хозяина требованія, разоренія, грабежи; таскали его собственныя и сложенныя у него чужія вещи, обдирали стулья, ломали въ саду деревья. Такимъ образомъ отъ всего хлѣбнаго и другаго столоваго годичнаго запаса, отъ столовой, чайной, поваренной и буфетной посуды, платья, бѣлья и другихъ вещей, не осталось въ домѣ ничего.

По выѣздѣ Генерала съ Наполеономъ въ походъ, Д-ъ поспѣшилъ очистить, сколько можно свои покои, и друга своего съ башни перенесъ онъ въ свой кабинетъ. Вдругъ набѣжала партія солдатъ, разсыпалась по всему дому и требовала занять все. Много стоило труда удержать больнаго въ кабинетѣ, чтобъ его не выбросили. Но они выбѣжали изъ дому. Явилась другая партія, потомъ третья, и всѣ онѣ производили единообразные мате-

ары, разбѣгаясь по покоямъ, по саду, и по всюду. Добрынинъ тотчасъ пошелъ просить Коменданта о соблюденіи порядка и о дачѣ ему возможной помощи. Онъ отвѣчалъ чрезъ переводчика, что пришлетъ на квартированіе жандарма, для охраненія дома и хозяина отъ безпокойствъ и опасностей; однако это не исполнилось, а между тѣмъ наскачила еще партія, увела у Д-на человѣка, который однакожъ скоро умѣлъ возвратиться.

Между тѣмъ лѣкарь и больной Капитанъ со слугами самъ-шестъ, съ 5-ю лошадьми остановились у него сами собою, заняли весь домъ и поддержали нечистоту, оставленную ихъ предшественниками. Они на фортопьяно ставили горшки и кастрюли, крошили табакъ, по стѣнамъ развѣшивали между эстампами сырое мясо, съ утра до утра топили печи; трубы не закрывались; двери и окна не затворялись. — Имѣя предъ глазами дрова, ломали заборы, штакеты и въ горницахъ рубили мебели на топленіе печей, въ самую лучшую, теплую погоду, а вокругъ покоевъ, особливо чрезъ незатворенныя окны извергалось все.... [и вмѣстѣ съ возвращавшимся въ покои воздухомъ, служило питаніемъ больному Капитану. Каждый день приносилъ съ собою новыя тревоги дому и хозяину. Со всѣхъ сторонъ входили въ домъ солдаты, ломали, брали все, что могли захватить. Описывать подробно всѣ причиняемыя Французами злодѣянія, потребны были бы многіе томы! Многіе изъ разоряемыхъ гражданъ, просили, искали удовлетворенія у

Французскихъ начальниковъ; но правосудіе оказываемо было птаково, каково бываетъ для притѣсненныхъ, содержащихъ своихъ притѣснителей на развалинахъ собственнаго имѣнія. Вѣроятно, что начальники не въ силахъ были удовлетворить потому, что приказаній ихъ никто не слушалъ, какъ будто они, или всѣ были начальники, или всѣ подчиненные.

Между тѣмъ, какъ сіи общія и частныя горести не уменьшались, Добрынина посѣтилъ рокъ такимъ ударомъ, какого онъ во всѣ прожитыя имъ 60 лѣтъ, еще не испытывалъ. Другъ его скончался на 38 году жизни, оставя жену и пятерыхъ малолѣтныхъ дѣтей.

Душевныя качества и способности ко всему доброму, его предусмотрительность во всякомъ дѣлѣ, бережливость, искусство въ торговлѣ, садоводствѣ и многихъ другихъ ремеслахъ; — порядокъ и чистота въ домѣ и въ горницахъ, наблюдающій его глазъ, дѣятельная рука и драгоцѣнная его въ продолженіи 18ти лѣтъ, дружеская вѣрность и приверженность — составляли для Д-а, можно сказать, сотвореннаго имъ — друга его *Михайлу Двинскаго*. Онъ принадлежалъ ему по крѣпости, но душу имѣлъ столь благородную, что Д-ъ его уволилъ, а Магистратъ принялъ въ Гильдію. Давно уже Д-ъ укрѣпивъ за нимъ наслѣдственно городской свой домъ, а за городомъ землю съ постоялымъ домомъ, садомъ и огородомъ и положась во всѣмъ на его честность и преданность, ни о чемъ болѣе самъ не заботился, какъ только о дол-

жности, утѣшаясь мыслію, что онъ упрочилъ свою принадлежность достойному человѣку, который погребетъ его кости. Но нещастія, постигшія Витебскъ доказали, сколь не надежно ни начто полагаться, а рановременная кончина *Двинскаго* увѣрила *Добрынина*, что смертный не властенъ въ мірѣ семъ располагать и собственнымъ своимъ жребіемъ....

Любовь родительская.

Перваго своднаго гренадирскаго баталь-она Капитанъ *Букаревъ*, во время бывшаго сраженія 28го Августа 1812 года при Бородинѣ, находился съ ротою своею на лѣвомъ флангѣ гвардіи для прикрытія батареи. Бригадный его командиръ, Полковникъ Князь *Кантакузинъ*, и батальонный, Подполковникъ *Албертъ* были убиты: и такъ начальниковъ никого не осталось. Сраженіе часъ отъ часу становилось сильнѣе; цѣль плана требовала, чтобы оная батарея всѣми способами скрываема была отъ непріятеля; но какъ можно было удержать ее при такомъ разстройствѣ? храбрый *Букаревъ* выступивъ впередъ съ обнаженнымъ мечемъ, вскричалъ: „не робѣй! не „робѣй! докажите, любезные мои сотрудни-„ки, что Русскіе страшны врагамъ и въ ма-„лой силѣ! ни шага назадъ! или перваго от-„ступающаго да повергнетъ мечь на землю „мертваго! ни ядра, ни пули намъ нестраш-„ны; штыкъ есть наша надежда; онъ одинъ „можетъ исторгнуть побѣду у нашего вра-„га. Богъ, вѣра, отечество, храбрость ва-„ша.... Ступайте ударимъ!“

И дѣйствительно Букаревъ, заступивъ мѣсто начальника, ударилъ въ штыки на непріятельскую колонну, отразилъ ее и занялъ выгодную позицію, оставленную обращенными въ бѣгство Французами. На семъ мѣстѣ получилъ онъ картечную контузію въ правый бокъ, а вскорѣ за тѣмъ раненъ пулею въ плечо на вылетъ. Ослабѣвъ отъ изтеченія крови, храбрый Букаревъ палъ за мертво на мѣстѣ между убитыми.— „Убитъ Букаревъ! убитъ Букаревъ!“ повторялъ каждый воинъ съ сожалѣніемъ. Сія молва о потери храбраго воина поражаетъ слухъ сѣдаго старца, отца его, бывшаго въ томъ же сраженіи съ Московскимъ ополченіемъ. Согбенный и удрученный старостію лѣтъ несчастный отецъ тяжко воздохнулъ, и возведши слезный взоръ на небеса, напрягъ послѣднія оставшіяся у него силы, и презирая жестокій огонь, съ отчаяніемъ бросился къ тому мѣсту, на которомъ надѣялся найти убитаго своего сына. Среди тысящи смертоносныхъ ударовъ, среди свистящихъ ядръ и пуль ищетъ бѣдный старецъ своего сына. Не страшился онъ смерти; ибо она была въ то время сладчайшею для него наградою; не боялся онъ ни копьевъ, ни мечей: поелику въ отчаяніи самъ готовъ былъ вознести на изсохшую грудь свою омытый въ непріятельской крови мечь его.— Богъ, награждающій родительскую любовь, преклонился милосердіемъ къ старцу, оградилъ его своею благодатію, и между кострами труповъ показалъ ему бездыханное тѣло сына его. Кто не былъ чувствительнымъ отцемъ, тотъ не мо-

жетъ имѣть тѣхъ чувствованій, кои стѣсняли грудь нещастнаго отца, слезы ручьями полились изъ глазъ его. Горесть родительская не внимала громамъ брани, не видѣла ни ярости наступающаго непріятеля, ни жертвъ убивства падающихъ окрестъ ее: Старецъ обнимаетъ мертвый трупъ своего сына; возлагаетъ его на рамена свои, и съ сею драгоцѣннѣйшею добычею выходитъ невредимо изъ среды ратующихъ въ безопасное мѣсто. Здѣсь предался онъ въ полной мѣрѣ горести и отчаянію. Кто же добрый отецъ семейства не подвергнулся бы слабости? Старый герой со слезами и умиленіемъ смотритъ своему сыну въ лицо, привѣтствуетъ нѣжными родительскими ласками, омываетъ чело его горячими слезами: ахъ! какъ горестно, говорилъ онъ, какъ тяжко сердцу моему разлученіе съ тобою, сынъ мой любезный! Твое сердце не чувствуетъ, не внемлетъ родительскимъ стонамъ; оно хладно какъ камень! Въ сіе мгновеніе положилъ онъ трепещущую свою руку на грудь лежащаго трупа. „Великій Боже! вскричалъ обрадованный отецъ, онъ живъ! такъ! онъ еще живъ! я чувствую томное біеніе его сердца, я вижу знаки неугасшей еще въ немъ жизни!“ — Старикъ бѣжитъ къ лѣкарю, объявляетъ ему о семъ происшествіи, проситъ убѣдительно подать сыну его всевозможную помощь, обѣщевая въ вознагражденіе за труды все свое имѣніе. Какой восторгъ! какая сладостная минута для родителя! *Букаревъ* приведенъ въ память. Восхищенный отецъ, съ позволенія начальниковъ, самъ отвезъ храбраго сына своего въ

Москву, гдѣ усердными своими попеченіями возвратилъ ему совершенное здоровье. Храбрость и духъ сего воина снова раздражается отъ гласа трубъ и звука орудій. Онъ беретъ снова свой мечь и стремится на защиту отечества въ среду смертей и кровопролитія. Вотъ примѣръ удивительной любви родительской, любви къ Отечеству и непоколебимой храбрости сыновъ Россіи!

Спасенная невинность.

Во время нашествія Французовъ на Смоленскъ, зажженъ былъ сдѣланный чрезъ Днѣпръ мостъ. Обыватели, жившіе по ту сторону рѣки, увидѣли сзади наступающаго непріятеля, впереди же пылающій мостъ — послѣднюю надежду къ ихъ спасенію. Ужасъ, вопль, смятеніе и отчаяніе людей, какъ бы въ безумствѣ по берегу быстраго Днѣпра скитавшихся, превзошли всякое описаніе. Бѣдные отцы и матери простирали чрезъ рѣку дрожащія свои руки, прося помощи; но не было помогающаго; всякому опасность была неизбѣжною. Многіе матери бросали сперва дѣтей своихъ въ воду, а послѣ сами кидались въ Днѣпръ; поелику смерть предпочитали постыдному плѣну.

Въ сіе страшное время, нѣкто изъ бѣдныхъ обывателей Смоленска, или отъ всеобщаго смятенія, или отъ стеченія другихъ ужасныхъ обстоятельствъ, убѣжалъ съ своею женою въ ту минуту, когда непріятель подошелъ уже къ самому Смоленску, оставивъ двухъ дѣтей своихъ дома. Невинныя души не

чувствовали приближающейся погибели, не знали страха! Они взбѣжали на городскую стѣну, смотрѣли на начавшуюся перепалку егерей съ свойственною имъ великою радостію, и прыгали отъ удовольствія. Между тѣмъ, какъ занимались они разбираніемъ картъ, взбѣжали на стѣну два солдата, что вы здѣсь дѣлаете? спросили они съ гнѣвомъ невинныхъ малютокъ; — милая улыбка была рѣшительнымъ ихъ отвѣтомъ. Но когда солдаты отняли у нихъ карты, тогда они, почитая для себя игрушку сію драгоцѣннѣе самаго Смоленска, заплакали. Тутъ добрые и чувствительные воины схвативъ ихъ на руки, вынесли изъ города, и передали одному козаку, который посадивъ ихъ передъ собою на лошадь, поскакалъ къ обозу. На дорогѣ увидѣлъ онъ нищихъ мужчину и женщину, которые обливаясь слезами, бѣжали къ городу. Любопытство козака заставило его подъѣхать къ нимъ поближе и спросить, за чѣмъ произвольно предаются они той опасности, которая и для самой арміи въ томъ мѣстѣ была очевидная? Но въ какое пришелъ онъ удивленіе, когда увидѣлъ сихъ двухъ бѣдняковъ упадшихъ предъ нимъ на колѣни, и начавшихъ лобызать его ноги! Всякой догадается, что это были отецъ и мать оставленныхъ младенцовъ, которымъ козакъ отдалъ сіе легкое свое бремя, и велѣлъ имъ скорѣе сокрытся, самъ поскакалъ къ арміи, гдѣ ему товарищи его разсказывали, что коль скоро два солдата свели съ городской стѣны малютокъ, вдругъ чрезъ то мѣсто, гдѣ они стояли, съ

визгомъ пролетѣлъ бранскугель, ударился въ куполъ и зажегъ Благовѣщенскій Соборъ. Естьли Небесное провидѣніе печется о каждомъ изъ человѣковъ; то нельзя никогда сомнѣваться, чтобы оно забыло о спасеніи любезной ему невинности!

Хитрая выдумка.

Когда Французы начали приближаться къ городу Вязьмѣ, одинъ богатой мѣщанинъ, отправилъ жену и дѣтей своихъ въ Москву, остался одинъ въ своемъ домѣ со всѣмъ бывшимъ у него имѣніемъ, надѣясь, что вѣрно спасетъ и богатство свое, и себя; да и дѣйствительно онъ выдумалъ такое средство, которое было весьма успѣшно. Онъ вырылъ у себя въ саду глубокую яму, положилъ въ нее все свое имѣніе, потомъ сдѣлалъ каменный сводъ и засыпалъ его землею; самъ же, одѣвшись въ нищенское рубище, взялъ топоръ и взлезши на печь, притворился больнымъ. Вдругъ входитъ Французъ, усматриваетъ лежащаго на печи мужика, и съ грознымъ видомъ повелѣваетъ ему сойти съ печи. Мужикъ отвѣчаетъ ему одними только стонами, и даетъ ему знать, что онъ сошелъ бы, но по причинѣ жестокой болѣзни и разслабленія встать самъ не можетъ, прося его съ простертыми руками пособить ему слѣзть съ печи. Лишь только Французъ подошелъ, мужикъ схватилъ лежавшій позади его топоръ, однимъ ударомъ повергъ его мертваго на землю, потомъ сколотивъ четыре доски, и положивъ въ нихъ трупъ убитаго имъ Француза, за-

копалъ его поверхъ имѣнія своего въ землю, а самъ спрятался въ сарай. Послѣ сего входятъ другіе Французы, усматриваютъ могилу, разрываютъ ее, думая найти въ ней зарытое сокровище, но вмѣсто онаго, увидѣли мертвый трупъ своего товарища; по чему бросили тѣло его опять въ яму и зарыли.— Мѣщанинъ, обрадованный щастливымъ успѣхомъ своей выдумки, но дальнѣйшее пребываніе свое въ Вязьмѣ почитающій очень опаснымъ, убѣжалъ въ Калугу, гдѣ жилъ ихъ староста; здѣсь объявилъ онъ ему, что и самъ онъ съ семействомъ своимъ спасся благополучно отъ неприятеля, и сберегъ все свое имѣніе, оставленное имъ въ Вязьмѣ подъ надежнымъ присмотромъ. „Подъ какимъ присмотромъ, спросилъ у него удивленный староста?“ Да, отвѣтствовалъ мѣщанинъ, я приставилъ къ моимъ пожиткамъ такого караульнаго, который ни самъ съ мѣста не уйдетъ, ни имѣнія моего не выдастъ.“ Послѣ сего разсказалъ онъ старостѣ подробно все происшествіе, и просилъ его дать ему свидѣтельство, что зарытое въ такомъ-то мѣстѣ имѣніе, есть дѣйствительно его собственность. По изгнаніи Французовъ изъ Вязьмы, мѣщанинъ дѣйствительно вступилъ спокойно во владѣніе и своего дома, и спасеннаго имъ имущества.

Все къ лучшему.

По занятіи Французами *Гжатска*, разбойники сіи не только не нашли у пристани никакихъ съѣстныхъ припасовъ; но даже

въ цѣломъ городѣ не замѣтили они ни одного жителя. Полагая, что всѣ граждане не могутъ выйти изъ города со всѣмъ своимъ имуществомъ, начали они во многихъ мѣстахъ, казавшихся имъ подозрительными, раскапывать землю. —

Нѣкто изъ Гжатскихъ обывателей, или по неимѣнію лошадей, или потому, что все имѣніе взять съ собою было для него безпокойно, или затруднительно, или какъ бы то ни было, онъ его оставилъ, и вырывъ яму, закопалъ, насадивъ потомъ на самомъ семъ мѣстѣ разныхъ цвѣтовъ и растѣній. По окончаніи сей работы, жалко ему было разстаться съ имѣніемъ. Что дѣлать? Надобно было бѣжать, или со всѣмъ имуществомъ попасться въ руки непріятелю. Ни того, ни другаго ему не хотѣлось. Надежда крѣпко приковывала его къ любезному цвѣтнику; онъ предполагалъ, что непріятель не примѣтитъ сего мѣста и пройдетъ далѣе; почему спрятавшись въ близь лежавшую густую рощу, караулилъ свое имѣніе. — Вдругъ приходитъ на сіе мѣсто три Француза; бѣдный обыватель затрепеталъ. Непріятели долго смотрѣли на сіе мѣсто, и столь же долго ныло сердце у нещастнаго: но въ какое пришелъ онъ тогда восхищеніе, когда увидѣлъ, что Французы поспѣшно удалились отъ сего мѣста! Онъ воздавалъ Небу благодареніе, и едва не плакалъ отъ радости. Но провидѣніе, желавшее наказать или непомѣрную приверженность его къ тлѣнному благу, или корыстолюбіе, или изторгнуть изъ рукъ его, можетъ быть, неправеднымъ образомъ пріпрі-

обрѣтенное имущество, опредѣлило иначе: три Француза появились снова на мѣстѣ клада; одинъ изъ нихъ имѣлъ въ рукѣ ведро съ водою, которою по немногу поливалъ цвѣтникъ, а другіе два пристально и съ важнымъ видомъ смотрѣли, и подобно ученымъ, дѣлали наблюденія. Оцѣпенѣвшій отъ ужаса Гжатскій житель, скрывшись въ лѣсу, трепеталъ, плакалъ, скрежеталъ зубами отъ ярости, проклиналъ Французовъ и войну, доведшую до такого ужаснаго раззоренія, и роптал даже на самое провидѣніе. Въ такомъ мучительномъ состояніи обратилъ онъ свирѣпый взоръ на Французовъ, которые, усмотрѣвъ, что вода скоро вошла въ землю, начали ее копать; нещастный чуть было не закричалъ отъ сильнаго отчаянія; — и столь жалко было ему разставаться съ своимъ имѣніемъ, что едва не лишилъ онъ себя жизни; но лучь небеснаго утѣшенія озарилъ наконецъ мрачныя его мысли. Онъ возложилъ всю свою надежду на Бога, прошелъ благополучно въ Тверь, и тамъ въ сродникѣ своемъ нашелъ ту отраду и благополучіе, которыхъ бы тщетно искалъ онъ въ Гжатскѣ, сидя дома прикованнымъ къ своему имѣнію; поелику сей ближайшій его сродникъ, съ которымъ онъ съ давнихъ лѣтъ прервалъ всѣ тѣсныя связи родства, и питалъ къ нему, вмѣсто любви, жестокую ненависть и презрѣніе, его призрѣлъ, утѣшилъ; научилъ его въ нещастіи терпѣнію, мужеству и великодушію; оградилъ его отъ бѣдствій упованіемъ на Бога; образовалъ его умъ и сердце въ добродѣтели; доставилъ ему способъ къ сысканію такого же богатства, какое имѣлъ

онъ прежде. Изъ всего сего онъ научился, что въ щастіи не должно полагаться слишкомъ на богатство, а въ нещастіи нужно уповать на Бога, и что все, что съ нами ни случается, бываетъ *къ лучшему*.

Признательность къ защитнику Пскова.

Между тѣмъ, какъ разсвирѣпѣвшій врагъ человѣчества стремился въ первопрестольный градъ Россіи и раздиралъ сердце ея, непобѣдимый Графъ Витгенштейнъ спасъ и столицу Санктпетербургъ, и Псковскую Губернію и самую даже Ригу. — Рига провозглашаетъ его своимъ спасителемъ; Петербургъ готовитъ ему жертвы, яко своему защитнику; а Псковское Градское Общество, одушевляясь истинною къ нему признательностію, и желая вознаградить его за избавленіе тамошнихъ предѣловъ отъ нападенія непріятелей, положило въ знакъ своего усердія и благодарныхъ чувствованій, послать ему въ даръ икону Святаго Благовѣрнаго, Великаго Князя Псковскаго Гавріила, писанную на кипарисной дскѣ, въ серебренномъ вызолоченномъ окладѣ, съ изображеніемъ на ней меча его, на коемъ была слѣдующая надпись: honorem meum nemini dabo (чести моей я иному не отдамъ). Почему 1го числа Сентября 1812 года оная икона освящена была въ соборѣ у мощей Св. Гавріила Псковскаго Чудотворца, и упомянутаго меча, тамъ же хранящагося. По совершеніи божественной литургіи учинено было обыкновенное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. — Въ вечеру того же дня

отряженные отъ общества купцы *Шаринъ* и *Ефремовъ* отправились въ корпусъ Графа Витгенштейна, для поднесенія сей иконы, взявъ съ собою разные съѣстные припасы, принесенные равномѣрно отъ усердія Псковскихъ гражданъ сему храброму Полководцу и сподвижникамъ его. —

Графъ Витгенштейнъ, сколько ни отличился громкими побѣдами надъ непреодолимымъ дотолѣ врагомъ, всегда однакожъ имѣлъ тѣже самыя чувствія благоговѣнія къ обожаемому имъ Монарху, какія питалъ онъ къ нему и прежде; и потому, не принимая подносимаго ему отъ рукъ признательности дара, просилъ прежде Высочайшаго на то соизволенія. — Государь Императоръ не только позволилъ ему принять поднесенный образъ Гавріила съ надписью: защитнику Пскова, но и купцовъ, изъявившихъ избавителю своему благодарность, за таковой поступокъ похвалилъ. Герой отразившій враговъ, устремившихся на погибель Отечества, и благоговѣющій къ своему Монарху, какъ послѣдній изъ его подданныхъ, есть превыше всякаго удивленія и похвалъ!

Русскіе исполняютъ въ точности долгъ службы.

Извѣстно, что во многихъ городахъ Россіи и другихъ Европейскихъ Государствъ на страстной недѣлѣ собираютъ деньги для бѣдныхъ, дабы и они, въ злой участи своей, сколько нибудь утѣшились въ пресвѣтлый праздникъ Воскресенія Христова. Двѣ женщины, принявшія на себя сію обязанность,

пріѣжжаютъ въ одинъ домъ, у котораго стоялъ на часахъ рядовой Кременчугскаго пѣхотнаго полка. Ему приказано было никого не впускать. Сопровождавшій сихъ женщинъ говоритъ ему: что онѣ имѣютъ право входить повсюду, потому что собираютъ милостыню для бѣдныхъ. — „А! есшьли это для бѣдныхъ, отвѣчалъ солдатъ; то я отдамъ все, что у меня есть, — и отдалъ послѣдній грошъ; но противъ приказа Командирскаго поступить, Боже меня избави! не могу ни для бѣдныхъ, да и ни для кого на свѣтѣ.“ Вотъ неоспоримое доказательство добраго сердца; и вмѣстѣ строгаго исполненія долга службы Россіянъ!

Храбрость и благоразуміе Харитонова.

При селеніи Дворищѣ, лежащемъ въ Полоцкомъ повѣтѣ сложено было въ магазейнъ небольшое количество нашего провіанта и фуража, при которомъ находился 18го Егерскаго полка унтеръ-офицеръ *Харитоновъ* съ четырьмя рядовыми. Французы, изтомленные голодомъ, безпрестанно разсылали въ разныя стороны мародеровъ для отысканія съѣстныхъ припасовъ. Сіи бродяги узнавъ, что въ ономъ селеніи имѣется нѣкоторое число провіанта, рѣшились отнять его; но *Харитоновъ* съ своею командою окопавшись валомъ, защищался храбро и всегда ихъ прогонялъ. Наконецъ 25 го Августа набѣжало опять на сіе селеніе болѣе трехъ сотъ Французовъ, и разграбивъ оное, хотѣли взять и магазинъ непремѣнно. Храбрый унтеръ-офи-

церъ съ четырьмя своими товарищами, исполняя долгъ службы, и не взирая на толь многочисленную толпу, защищался ружейными выстрѣлами, и для лучшей безопасности засѣвъ въ кустахъ близь лежащаго болота, продолжалъ стрѣльбу столь удачно, что ранилъ много непріятелей, навелъ на нихъ большій страхъ, и удержалъ магазейнъ во весь тотъ день до самой ночи. На другой день по утру, возвратясь въ свое мѣсто, возобновили они сраженіе съ равнымъ успѣхомъ, и вторично отразили непріятеля. Но усмотрѣвъ послѣ того, что Французы, пользуясь ночною темнотою, подступили къ магазейну въ гораздо большемъ количествѣ противу прежняго, принуждены были уступить непріятельской силѣ и отдать весь провіантъ на разграбленіе. Защищать его было не возможно; и такъ унтеръ-офицеръ употребилъ въ семъ случаѣ воинскую хитрость: онъ показалъ видъ, что хочетъ спасаться бѣгствомъ, дабы симъ способомъ выиграть время и оттянуть голодныхъ Французовъ отъ алкаемой ими добычи. Такимъ образомъ непримѣтно навелъ онъ ихъ на стоявшій не подалеку Драгунскій полкъ, коему объявивъ о случившемся съ нимъ и провіантомъ его происшествіи, просилъ неотступно напасть на непріятеля и отбить у него захваченный провіантъ. Прозьба Харитонова была уважена: немедленно отряжено было подъ команду его 50 человѣкъ драгунъ, которые настигнувъ Французовъ и пресѣкши имъ пути со всѣхъ сторонъ, не только отняли у нихъ и добычу и подводы; но и самихъ всѣхъ забрали въ плѣнъ.

Харитоновъ съ четырьмя своими товарищами, противустоя тремъ стамъ и большему количеству непріятелей, отражая ихъ, поражая и обращая въ бѣгство, ясно доказали, какъ могъ безсмертный *Суворовъ* съ горстью Россіянъ поражать и приводить въ трепетъ тмочисленныя силы непріятельскія; что съ Русскими не должно спрашивать: какъ великъ непріятель; но должно только знать, гдѣ онъ находится.

Человѣколюбіе Шпрингера.

При повѣствованіи объ опытахъ человѣколюбія, какое сердце человѣка не забьется отъ радости и удовольствія?— Полоцкаго мушкатерскаго полка унтеръ-офицеръ *Шпрингеръ*, коего храбрость доказывается многими на сраженіяхъ полученными ранами, отличилъ себя и со стороны человѣколюбивыхъ поступковъ. О семъ свидѣтельствуютъ съ благодарными слезами плѣнные, которыхъ поручено было ему провожать отъ Полоцка до Пскова. Днемъ имѣлъ онъ неусыпное объ нихъ попеченіе, а на ночлегахъ не прежде давалъ себѣ отдыхъ, пока всѣхъ ихъ не накормитъ и не уложитъ. Но и тѣмъ еще не ограничиваясь, старался онъ при всякомъ случаѣ и о другихъ плѣнныхъ, не подъ его конвоемъ шедшихъ, принимая въ сбереженіи ихъ такое дѣятельное и сильное участіе, изъ котораго усматривать можно его добродушіе, не отъ сложенія только проистекающее, но основанное на ревностной любви къ человѣчеству и справедливости.— Такъ между прочимъ поднялъ онъ одного Ба-

варца, коего оставили за мертво лежащимъ на дорогѣ, и въ коемъ примѣтилъ онъ еще признаки жизни, — довезъ его до ближайшей деревни, старался самъ возвратить ему жизнь, и оставилъ избавленнаго имъ отъ смерти подъ присмотромъ у одного добраго крестьянина, возложивши на него отвѣтственность о хорошемъ обхожденіи съ больнымъ и о добромъ къ нему расположеніи. — Когда *Шпрингеръ*, по приводѣ плѣнныхъ, долженъ былъ изъ Пскова возвратиться въ свою команду, и ихъ оставить на мѣстѣ; то они всѣ, обнимая его, плакали неутѣшно; слезы благодарности, приносимыя въ дань человѣколюбію съ одной стороны, и сострадание и грусть о жребіи несчастныхъ съ другой представляли трогательное зрѣлище. Воинъ, который за нѣсколько дней предъ тѣмъ разсѣвалъ штыкомъ своимъ смерть и ужасъ, умѣлъ привязать къ себѣ враговъ своихъ до такой степени, что ему самому много стоило слезъ разстаться съ ними! Офицеры, въ числѣ сихъ плѣнныхъ находившіеся, убѣждали его принять отъ нихъ въ посильное изъявленіе ихъ признательности подарокъ деньгами; но унтеръ-офицеръ *Шпрингеръ*, неотказавшій плѣннымъ своимъ въ удовлетвореніи малѣйшаго даже ихъ желанія, въ прозьбѣ сей отказалъ имъ великодушно, говоря: вы обязаны благодарить Генерала Графа Сиверса, который далъ меня вамъ въ провожатые.

Герой — благотворитель.

Генералъ - Маіоръ Графъ Воронцовъ, бывъ раненъ, въ сраженіи, происходившемъ при

Бородинѣ, находился для излѣченія въ собственномъ своемъ помѣстьи, состоящемъ во Владимерской Губерніи. — Въ сіе время другіе раненые, проѣзжая чрезъ означенное помѣстье въ учрежденные Госпитали, приглашаемы были оставаться въ ономъ до выздоровленія. Такимъ образомъ собралось туда наконецъ до 40 Штабъ и Оберъ-Офицеровъ, и до 300 человѣкъ нижнихъ чиновъ; всѣ они вообще пользованы были на щетъ Помѣщика съ отличнымъ усердіемъ; каждому доставлялось опредѣленное содержаніе по чину; деньщики, получали порціоны и провіантъ противъ казенныхъ дачь, а лошади довольствованы были фуражемъ на таковъ же основаніи.

Сей прекрасный поступокъ хотѣлъ Графъ Воронцовъ скрыть въ святилищѣ своей совѣсти; но благодарные воины, воспріявшіе изъ благодѣтельныхъ его рукъ здравіе и жизнь, съ каждымъ возвращающимся днемъ называли въ молитвахъ своихъ имя своего избавителя, и такимъ образомъ узнало о немъ Отечество и благословляетъ имя благодѣтеля человѣчества. Воронцовъ! враги тебя трепетали и трепещутъ; ибо ты снова шагнулъ на поле брани; — Соотечественники тебѣ завидуютъ во времена настоящія; Потомство будетъ тебѣ удивляться въ грядущія вѣки!

Истинное вспоможенie.

Кому неизвѣстна благотворная цѣль учрежденнаго въ Санктпетербургѣ такъ называемаго Патрiотическаго Общества Санктпетербургскихъ Дамъ? Многie нещастные, разоренные отъ нашествiя непрiятелей нашего Отечества, почерпаютъ уже въ благотворительныхъ нѣдрахъ онаго обильное излiянie щедротъ и вспоможенiя. Кругъ человѣколюбивой дѣятельности онаго разпространяется со дня на день болѣе. Оно съ отверзтыми объятiями готово принять каждаго, кто требуетъ отъ него руку помощи. Оно дѣятельными своими попеченiями обращаетъ на себя вниманie всѣхъ друзей человѣчества; но есть люди, которые благонамѣренностiю своею удивляютъ самое оное благодѣтельное Общество. — Недавно назначило оно нѣкоторой разорившейся въ настоящую войну особѣ шесть сотъ рублей ежегоднаго вспоможенiя; ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢЕВНА вскорѣ послѣ того Всемилостивѣйше пожаловала ей пять сотъ рублей пенсiи. Благородномыслящая особа на другой день, по полученiи сей милости Монаршей, является въ Коммиссiи Патрiотическаго Общества, и объявляетъ, что она отказывается отъ назначеннаго ей прежде обществомъ вспоможенiя, и представляетъ оное въ пользу другихъ бѣдныхъ съ тѣмъ только, что бы имя ея осталось навсегда неизвѣстнымъ.

Что сказать о таковомъ великодушномъ и безкорыстномъ поступкѣ? — Всякое замѣчаніе, кажется, было бы обидою для неизвѣстной особы, для которой всякая похвала будетъ недостаточна; она доставила истинное вспоможеніе для бѣдныхъ, разоренныхъ отъ войны.

Поселяне — Побѣдители.

Когда непріятельскіе отряды, находившіеся въ Московской Губерніи, разсѣялись для грабежа, остававшіеся въ домахъ крестьяне употребляли хитрость къ истребленію грабителей. Они подпаивали ихъ и убивали, подвергая и собственную свою жизнь опасности. Симъ способомъ злодѣевъ — грабителей, которые нагло проповѣдывали, будто бы идутъ къ оборонѣ нашихъ семействъ и домовъ, истреблено множество въ разныхъ селеніяхъ.

Но Русскіе поселяне охотно оставляли хитрость, гдѣ можно было дѣйствовать открытою силою и неизмѣнною грудью.

Графа Владимира Григорьевича Орлова села Семеновскаго староста *Акимъ Дементьевъ*; Графини Анны Алексѣевны Орловой — Чесменской села Хатуни прикащикъ *Иванъ Ильинъ*, и Помѣщика Орлова сельца Горокъ староста *Никифоръ Савельевъ*, услыша, что непріятель идетъ по большой Каширской дорогѣ, тотчасъ собрали вѣдомства своего крестьянъ; вооружили ихъ копьями, вилами, топорами и домовыми ружьями Графа Орлова. Призвавъ на помощь Бога, смѣло ожида-

ли они непріятеля въ деревнѣ Папушвиной; но шайки иноплеменныхъ грабителей, узнавъ о таковой на нихъ засадѣ, приведены были въ страхъ и удалились оттуда поспѣшно.

Тщетно Наполеонъ въ хвастливыхъ своихъ извѣстіяхъ говоритъ, что одно появленіе его гвардіи гнало и разило Русскихъ! Мы достовѣрнѣе можемъ сказать, что въ сію необычайную войну, неопытные поселяне однимъ появленіемъ своимъ прогоняли шайки грабителей, предводимыя Наполеономъ!

Воздержность Русскихъ.

У насъ издавна ведется пословица: *хлѣбъ да вода, солдатская ѣда.* — Великій Суворовъ, оберегатель душъ и здоровья Русскихъ воиновъ написалъ: " не надобно жалѣть денегъ на лѣкарства, коли есть гдѣ купить, а сверхъ того и на прочія *выгоды* безъ *прихотей.* Все это не важно! мы умѣемъ себя сберечь."

Русскіе воины умѣютъ себя беречь потому, что отъ молодыхъ лѣтъ привыкли къ трудамъ и трезвости. Отъ сохи переходя къ ружью, имъ нѣтъ времени заразиться прихотями, вредными ихъ здоровью. Хлѣбъ, вода, простое вино, каша и подъ часъ сытныя щи: вотъ вся пища Русскихъ воиновъ!

У Наполеона все не то, что велось и ведется въ законныхъ правительствахъ. Конскрипція наводнила Европу прихотливыми и ненасытными прожорами. Потерпѣвъ голодъ нѣсколько времени, орды Наполеона, при первомъ удобномъ случаѣ, алчутъ всякими прихотями насытить себя на нѣсколько дней:

таковая невоздержность производитъ заразительныя болѣзни и въ скопищахъ Наполеона, и въ тѣхъ земляхъ, гдѣ они неистовствуютъ. Германскіе народы обыкновенно говорятъ: что постой Французовъ разорительнѣе всякой войны.

Можно рѣшительно сказать, что Французской желудокъ столько же вреденъ и пагубенъ, сколько развратъ и злоумышленіе Французское. Русскіе воины, по врожденнымъ правамъ, по природной трезвости, даже и при наступательной войнѣ, не моглибъ тысячной части причинить Европѣ того вреда, какой причинили ей буйныя скопища буйнаго Наполеона.

Во время бытности Французовъ въ Россіи, крестьяне одной Подмосковной деревни, замѣтивъ ихъ невоздержаніе и обжорливость, говорили: „Господи Сусе Боже! что за Бусурманы! нѣтъ ни часу, ни времени — все ѣсть, да ѣсть!“ И насмотрясь на неосторожность, грубые и безчеловѣчные поступки Французовъ, удивлялись, называли ихъ невѣждами, простяками, говоря: „Дивно право какъ подумаешь, какихъ учителей Бояре наши нанимали дорогою цѣною!“

Своихъ не выдавай.

Тѣ самые Русскіе крестьяне, которыхъ Французы называютъ варварами потому, что они не сходствуютъ съ ними ни видомъ, ни нравами, — тѣ самые крестьяне умѣли ловить и поражать злодѣевъ своего Отечества. —

Въ буйственное нашествіе Наполеоновыхъ скопищъ на Россію ясно оказалось, что Русскіе крестьяне способны къ благоразумной и осторожной предпріимчивости. Но главнымъ побужденіемъ сей предпріимчивости противу враговъ, послужила врожденная ненависть Русскихъ къ злодѣямъ Отечества, и коренная мысль: „что всѣмъ должно отстаивать одного.“

Вѣрные и православные Русскіе крестьяне твердою грудью рѣшились *отстаивать* одного, и оставя соху, принялись за оружіе къ истребленію опустошителей селъ, деревень и осквернителей храмовъ Божіихъ. — Подвиги сихъ воиновъ — земледѣльцовъ и поселянъ отличаются дальновидностію и осторожностію, съ которыми обезумленные варвары доселѣ вовсе были не знакомы. Скопища злодѣевъ предводимы были буйствомъ; Русскіе крестьяне управлялись вѣрою и сердечною жалостію, что на землѣ родной гибнутъ ихъ братья, ихъ ближніе, ихъ родные.

Одинъ изъ Французскихъ Генераловъ, желая склонить Русскихъ крестьянъ на сторону Наполеона убѣжденіями и лестными обѣщаніями, спрашивалъ ихъ между прочимъ: что ихъ заставляетъ такъ отчаянно драться, не будучи воинами?“ — У насъ издавна, отвѣчали крестьяне, ведутся рѣчи: „лучше погибнуть одному, нежели всѣмъ! Наши старики — отцы всегда говаривали: *не выдавай своихъ!*“

Благотворительность Гилевскиго и Алымова.

Жительствуя въ городѣ Константиноградѣ дворянка *Анна Стоцкая*, мать многочисленнаго семейства, получая пропитаніе единственно трудами рукъ своихъ, и подверженная всѣмъ бѣдствіямъ нищеты, по случаю составлявшагося въ Полтавской Губерніи Дворянскаго Земскаго войска, желала опредѣлить въ оное двухъ старшихъ сыновей своихъ; но не могла, по бѣдности, снарядить ихъ къ оборонѣ Отечества.

Въ сихъ горестныхъ обстоятельствахъ, прибѣгла она къ находившемуся тогда въ Константиноградѣ Полтавскаго Богоугоднаго заведенія, Штаб-лѣкарю и Смотрителю *Гилевскому*, который многимъ извѣстенъ отличнымъ искусствомъ и состраданіемъ къ человѣчеству, почему и пользуется уваженіемъ Помѣщиковъ того Повѣта. Сверхъ пособія, по мѣрѣ состоянія своего, при письмѣ отправилъ онъ *Стоцкую* къ Помѣщику жъ Константиноградскаго Повѣта, Г. Маіору *Николаю Алексѣевичу Алымову*, прося принять подательницу письма въ число тѣхъ, коимъ всегдашняя щедрость его благодѣтельствуетъ.

Великодушный *Алымовъ* снабдилъ нещастную мать деньгами на одежду и на прочія надобности, а сыновъ ея снарядилъ въ ополченіе. — Въ отвѣтномъ письмѣ къ Г. Гилевскому, благодаря его за доставленіе случая учинить вспособіе, просилъ онъ и впредь доставлять ему случаи быть полезнымъ для нещастныхъ ближнихъ.

Благотворительнымъ подвигомъ Гг. *Алымова и Гилевскаго* сыновья *Стоцкой*, снабжен-

ные всѣмъ нужнымъ, поступили въ составляемое ополченіе. Мать же оныхъ, пылая благодарностію къ щедрымъ ея покровителямъ, и благословляя сыновъ при отпускѣ, завѣщала имъ служить вѣрою и правдою Богу и Государю, помнить благодѣтелей, которые, удѣляя помощь и не отъ избытковъ своего состоянія, доставили случай содѣлаться имъ полезными Отечеству. — Дай Богъ и болѣе такихъ подражателей!

Доброхотное пожертвованіе торговки.

Въ скоромъ времени послѣ учрежденія въ Санктпетербургѣ Патріотическаго Общества Санктпетербургскихъ Дамъ, случилось Казначею онаго быть на *Щукиномъ дворѣ*, гдѣ онъ съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ разговаривалъ о цѣли и объ устроеніи сего Общества.— Вдругъ подходитъ къ нему одна изъ торговокъ, продающихъ нитки, пряжу и всякаго рода бѣлье, прося его, чтобъ онъ ей разсказалъ подробнѣе объ этомъ благодѣтельномъ заведеніи. Когда онъ удовлетворилъ всѣ вопросы ея, тогда пожелала она знать, куда взносы касятся приношенія отъ вкладчиковъ. — Казначей тотчасъ сообщилъ ей адрессъ того дома, гдѣ находится Кантора Патріотическаго Общества. Лишь только онъ туда возвратился, — явилась и упомянутая торговка и вручила ему 100 рублей, въ пользу разоренныхъ въ настоящую войну. Приношеніе сіе принято было съ благодарностію, и приносительницу просили объявить ея имя. — „Я не за тѣмъ это сдѣлала, отвѣчала она,

чтобъ про меня знали; я крѣпостная Графа Орлова и — этого довольно." Съ сими словами она удалилась. Вотъ истинно доброхотное пожертвованіе! Можетъ ли Отечество не радоваться, видя, что въ немъ и женщины воспламеняются равнымъ ревніемъ на пользу общую, какъ и мужчины?

Похвальный поступокъ Пѣтухова.

Ярославской Губерніи, Любимскаго уѣзда крестьянинъ *Иванъ Пѣтуховъ*, занимаясь здѣсь въ Санктпетербургѣ нѣкоторое время продажею булокъ и кренделей, пріобрѣлъ отъ сего торга 2.000 р. наличнаго капитала. Но срокъ даннаго ему паспорта принудилъ его возвратиться опять въ деревню, гдѣ нашелъ онъ свое семейство въ крайней горести; ибо братъ его, имѣющій жену и дѣтей, назначенъ былъ по очереди въ рекруты.— *Иванъ Пѣтуховъ*, хотя былъ также женатъ, но не имѣлъ дѣтей; а потому разсудилъ онъ лучше посвятить себя на службу Отечеству, и со всею охотою заступилъ мѣсто брата своего. Онъ опредѣленъ въ Невскій пѣхотный полкъ, предъ выступленіемъ коего изъ сей столицы, послалъ онъ женѣ своей 500 рублей, при себѣ удержалъ только 100, остальныя же за тѣмъ 1.400 рублей роздалъ бѣднымъ, препоручивъ здѣшнему купцу Козулину отдать изъ того числа 50 рублей одному изъ попечителей учрежденнаго въ С. Петербургѣ Сословія, для вспомоществованія разореннымъ отъ непріятеля. Безъ всякаго сомнѣнія воинъ, употребившій все свое

достоянiе на предметы столь благодѣтельные, и пожертвовавшiй самимъ собою на пользу Отечества, будетъ защищать оное до послѣдней капли, — и Небо, видя его благонамѣренность, будетъ прiосѣнять его во всѣхъ подвигахъ своимъ благословенiемъ!

Благодарность матери.

Во время разоренiя Москвы Французами, не подалеку отъ сего города одна дѣвочка четырехъ или пяти лѣтъ не извѣстно кѣмъ-то брошена была на фуру къ мужику, прiѣхавшему въ армiю съ сухарями. Сей сострадательный человѣкъ сохранилъ жизнь нещастной, не взирая на то, что находясь ежечастно въ опасности, самъ претерпѣвалъ крайнюю нужду въ пропитанiи.

Возвращаясь потомъ по дорогѣ въ Малороссiю, онъ прiѣхалъ въ Губернскiй городъ Орелъ, и остановясь случайно у дома господина Статскаго Совѣтника Филипова, просилъ для бѣдной сироты какого нибудь платья, чтобы сберечь ее отъ стужи.

Г. Филиповъ узнавъ о жалкомъ положенiи сей дѣвушки, не только вызвался тотчасъ помочь ей, но и убѣдилъ потомъ мужика оставить ее со всѣмъ на его попеченiе. Добрый и чувствительный крестьянинъ, разставаясь съ дѣвочкою къ душевному своему прискорбiю, сказалъ сквозь слезы: „не оставь ее бѣдную, добрый господинъ, и Богъ тебя самаго не оставитъ!“ —

Дѣвочка сiя жила въ домѣ Филипова довольно долгое время на отеческомъ объ ней

попеченіи, — и о произхожденіи ея, по словамъ ея, можно было узнать слѣдующее: зовутъ ее *Федосья Григорьевна*; родная мать ея, которя уже умерла, называлась Марья Ивановна, а крестная Матрена Ивановна; отца же и фамиліи своей она не знаетъ. Жили они въ какомъ-то *Никольскомъ*; у нихъ былъ большой домъ, карета и лошади. Москву знаетъ совершенно, вспоминаетъ Даниловъ монастырь, и часто говоритъ о кривомъ старикѣ, который взялъ ее у Французовъ; а крестная мать ея осталась гдѣ-то въ лѣсѣ, гдѣ она видѣла какого-то Священника съ дѣтьми.

Наконецъ является къ Г. Филипову молодая, благопристойно одѣтая женщина, бросается къ ногамъ его, обнимаетъ, цѣлуетъ его и проливаетъ слезы радости и благодарности... Всякъ можетъ легко догадаться, что это была мать невинной дѣвочки. — Симъ долгомъ благодарности къ покровителю своей дочери она не ограничилась; — она тотчасъ отправилась отыскивать самаго ея избавителя. Благодарность матери не имѣетъ предѣловъ.

Человѣколюбіе Евреевъ.

Главное управленіе путей сообщенія увидѣло на опытѣ похвальные поступки Лепельскаго Еврейскаго Общества.

Во время вторженія Французскихъ войскъ въ уѣзный городъ Лепель Витебской Губерніи, неистовства и грабежи, коими отличаются Французы отъ всѣхъ другихъ націй,

ознаменовались и тамъ не менѣе прочихъ мѣстъ, гдѣ разбойническія войски сіи проходили. Жительствующіе въ ономъ городѣ Евреи оказали однакожъ при семъ случаѣ несомнѣнную приверженность къ Россіи. При изгнаніи отсюда Французовъ 16го Октября 1812 года, когда зажженъ былъ ими одинъ изъ шлюзовъ Березинскаго канала, представлявшій удобный переходъ нашимъ войскамъ; то стараніемъ Еврейскаго Общества оный шлюзъ не допущенъ до совершеннаго истребленія. Жертвою огня былъ только подъемный мостъ; но вмѣсто онаго тотчасъ былъ наведенъ другій Евреями, кои, по внушенію чиновниковъ путей сообщенія, заранѣе заготовили на всякой случай нужные для сего матеріалы Такимъ образомъ армія наша не встрѣтила препятствія въ преслѣдованіи непріятеля. —

Сверхъ того Еврейское Общество сіе имѣло подъ своимъ призрѣніемъ раненыхъ Русскихъ солдатъ, кои безчеловѣчными Французами, по занятіи Лепеля, выкинуты были изъ больницъ. Изъ числа двадцати девяти человѣкъ, восемнадцать выздоровѣли совершенно, и сданы чиновникомъ путей сообщенія Лепельскому Городничему Аманнову, а прочіе отправлены въ Полоцкъ. Какъ по симъ двумъ опытамъ усердія къ Россіи и человѣколюбія Евреевъ къ Русскимъ, такъ и по многимъ другимъ примѣрамъ добраго ихъ къ намъ расположенія, оказаннаго ими въ продолженіе настоящей войны, едва ли и нѣкоторые Евреи не заслуживаютъ права быть истинными сынами Россіи.

Памятники побѣдъ Русскаго воинства.

Умалчивая о деревнѣ *Бородинѣ*, которая въ лѣтописяхъ всѣхъ вѣковъ грядущихъ будетъ громче, нежели въ Исторіи столѣтій протекшихъ Канны и поля Фарсальскія,— селенія *Леташевка* и *Тарутино* не уступятъ въ славѣ ни одному изъ тѣхъ знаменитыхъ мѣстъ, при которыхъ Персы и Македоняне, Греки и Римляне производили кровавыя битвы.— Сраженія, происходившія при *Леташевкѣ* и *Тарутинѣ* между Россійскими арміями и Французскими легіонами и побѣды, одержанныя Россіянами надъ Французами прогремятъ въ отдаленнѣйшее потомство.—

Владѣлецъ селенія *Леташевки*, Князь Волконскій, соревнуя славѣ своего Отечества примѣрнымъ образомъ, вызвался добровольно поставить памятникъ Русскимъ воинамъ на землѣ, ему принадлежащей.

Его Свѣтлость Г. Главнокомандующій всѣхъ дѣйствующихъ Россійскихъ армій Генералъ Фельдмаршалъ Князь *Михайла Ларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій*, желая увѣковѣчить подобнымъ образомъ и славу села *Тарутина*, при которомъ устроены Рускими сильныя укрѣпленія, написалъ къ помѣщицѣ онаго, Ея Высокопревосходительству *Аннѣ Никитишнѣ Нарышкиной* слѣдующее письмо:

„Село *Тарутино*, вамъ принадлежащее, „ознаменовано было славною побѣдою Рускаго войска надъ непріятельскимъ. Отнынѣ имя его должно сіять въ нашихъ лѣтописяхъ на ряду съ *Полтавою*, и рѣка *Нара* бу-

„дела для насъ также знамениты; вакъ и „*Непрядва*, на берегахъ которой погибли без-„численныя ополченія *Мамая*. Покорнѣйше „прошу васъ, Милостивая Государыня, чтобъ „укрѣпленія, сдѣланныя близь села *Тарутина*— „укрѣпленія, которыя устрашили полки не-„пріятельскіе и были твердою преградою, „близь коей остановился быстрый потокъ „разорителей, грозившій наводнить всю Рос-„сію, — чтобъ сіи укрѣпленія остались не-„прикосновенными. — Пускай время, а не ру-„ка человѣческая, ихъ уничтожитъ; пускай „земледѣлецъ, обрабатывая во кругъ ихъ мир-„ное свое поле, не трогаетъ ихъ своимъ плу-„гомъ; пускай и въ позднее время будутъ „онѣ для Россіянъ священными памятниками „ихъ мужества; пускай наши потомки, смо-„тря на нихъ, будутъ воспламеняться огнемъ „соревнованія, и съ восхищеніемъ говорить: „вотъ мѣсто, на которомъ гордость хищ-„никовъ пала предъ неустрашимостію сыновъ „Отечества! Сосѣдъ вашъ, Князь Волконскій „вызывается поставить памятникъ Рус-„скимъ воинамъ на землѣ принадлежащаго „ему селенія *Леташанки:* но вы не имѣете „нужды воздвигать памятниковъ. *Тарутин-„скія* укрѣпленія, грозно возвышающіяся ме-„жду спокойными вашими нивами, будутъ „сами по себѣ не изгладимыми слѣдами Рус-„скаго мужества и Русской славы." —

Почтенная Помѣщица села *Тарутина*, получивъ сіе драгоцѣнное письмо, и уважая толь благонамѣренную прозьбу знаменитаго Вождя Россійскаго воинства, въ незабвенную память славы Русскихъ, стяжанной ими на

полях *Тарутинских*, изъявила согласіе свое на исполненіе желанія сего съ пѣмъ живѣйшимъ удовольствіемъ, чѣмъ болѣе неограничена приверженность ея къ Россійкимъ Монархамъ и любовь къ Отечеству, каковыми она всегда была одушевляема; и потому имѣла щастіе носить на себѣ особенное благоволеніе и отличныя милости ИМПЕРАТРИЦЫ, ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ во все продолженіе славнаго царствованія сей несравненной МОНАРХИНИ.

И такъ укрѣпленія *Тарутинскія* не только будутъ служить вѣковѣчнымъ памятникомъ непреодолимой храбрости и мужества Россіянъ; но онѣ останутся и на будущія времена преградою непреоборимою для врага, который бы дерзнулъ еще взалкать богатствъ первопрестольнаго града!

Признательность Полководца.

Не возможно описать радости, которою воживились истинные сыны Россіи, по изгнаніи изъ любезнаго имъ Отечества неистовствовавшихъ въ нѣдрахъ онаго варваровъ — Французовъ. Но никто столько не имѣлъ, можетъ быть, причины радоваться, какъ благородное Сословіе Дворянства Санктпетербургской Губерніи; ибо не только Санктпетербургское ополченіе оказало отличные опыты мужества, неустрашимости и храбрости въ защищеніи Отечества на поляхъ Полоцкихъ, но самъ начальствовавшій онымъ Свѣтлѣйшій Князь Голенищевъ-Кутузовъ, содѣлавшись Главнокомандующимъ всѣхъ дѣйствующихъ Россійскихъ армій, содѣлался истре-

бителемъ враговъ, избавителемъ Отечества, предметомъ удивленія, славы и благословеній народныхъ.

Когда Россія совершенно была освобождена отъ нашествія иноплеменныхъ, Г. Генералъ Фельдмаршалъ Князь Михайла Ларіоновичь Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій изволилъ Санктпетербургскому Дворянству изъявить свою признательность за избраніе его Начальствующимъ надъ ополченіемъ Санктпетербургской Губерніи. — Онъ написалъ въ Губернскому Предводителю Дворянства, Г. Действительному Статскому Советнику Жеребцову письмо, въ которомъ между прочимъ сказано: „Вотъ та минута, въ которую я имѣю пріятный долгъ въ лицѣ вашемъ „поздравить Санктпетербургское благородное „Сословіе съ совершеннымъ изгнаніемъ ино„племенника. Промыслъ Вышняго, поборающій нашему оружію, тѣмъ болѣе чту я бла„годѣтельнѣйшимъ, что чрезъ него пріобрѣ„тены мною средства оправдать ту честь, „какою почтило меня благородное Сословіе „Столицы, возложивъ на меня лестное зва„ніе и обязанность начальствующаго надъ „ополченіемъ, которое къ душевному моему „удовольствію, находясь въ командѣ храбраго „Полководца, отличнаго Генерала Графа Вит„генштейна, увѣнчало подвиги свои безсмерт„ною славою. Надежды мои во всѣхъ отно„шеніяхъ исполнились; Русскіе вездѣ ихъ пред„упреждали, и дѣлами своими на всякомъ ша„гу останавливали меня для принесенія тор„жественныхъ молитвъ Царю Царей, озаряв„шему святымъ вліяніемъ стезю нашихъ по-

„бѣдъ. Покорнѣйше прошу увѣрить Санкт-„петербургское благородное Сословіе въ отличномъ уваженіи моемъ и въ непремѣнной „преданности, съ каковою и проч."

Слѣдствіемъ сего письма посѣдѣвшаго во браняхъ Героя было то, что многіе изъ сословія Дворянъ оказали разныя человѣколюбивыя дѣянія, и между прочими, Двора Его Императорскаго Величества Гофмейстеръ и Дѣйствительный Каммергеръ Г. А. *Демидовъ*. —

Онъ, занимаясь ревностно улучшеніемъ состоянія крестьянъ своихъ, находящихся при Сибирскихъ заводахъ его и частію въ Санктпетербургской губерніи, въ числѣ 6500 душъ, выдалъ имъ, при всеобщей радости о побѣдахъ надъ врагами, заимообразно весьма значущую сумму, какъ въ особенности на вспоможеніе ихъ состоянія, разореннаго во время бывшихъ неурожаевъ хлѣба, такъ и вообще на устройство разныхъ хозяйственныхъ заведеній. При полученіи же извѣстія о совершенномъ изгнаніи Французовъ изъ предѣловъ Россіи, простилъ онъ означеннымъ крестьянамъ своимъ долгу 32.130 рублей. Таковое благодѣяніе глубоко запечатлѣется въ сердцахъ добрыхъ крестьянъ, а причина, побудившая къ оному благодѣтеля ихъ не изгладится во вѣки изъ памяти позднѣйшаго потомства.

Похвальный поступокъ Иванова.

Человѣкъ, пріобыкшій любить и дѣлать добро, не измѣняется въ правилахъ своихъ и

въ самыхъ нещастныхъ случаяхъ, которые весьма легко совращаютъ другихъ съ пути истины и правоты. Жительствующій въ Губернскомъ городѣ Рязанѣ Господинъ Надворный Совѣтникъ Ивановъ, который во время разоренія Французами Москвы, лишился въ оной своего дома и всего своего имущества, нашелъ случайно на улицѣ бумажникъ, въ которомъ находилось 1.250 рублей ассигнаціями, и не желая воспользоваться чужимъ добромъ, представилъ немедленно оныя деньги въ Полицію, для отдачи потерявшему ихъ. Полиція сдѣлала надлежащее отъ себя обьявленіе, дабы потерявшій явился въ оную для полученія ему принадлежащаго, и чрезъ три дни послѣ обьявленія нашелся хозяинъ денегъ, который изъ признательности къ Г. Иванову, желалъ охотно пожертвовать въ пользу его не только часть̀ю, по законамъ положенною, но узнавъ о случившемся съ Ивановымъ нещастіи, уступалъ ему половину всѣхъ денегъ своихъ — тщетно! Великодушный Ивановъ безпрестанно говорилъ: „все свое потерявъ, ничего чужаго не хочу.“ — Толь похвальный поступокъ тѣмъ болѣе заслужилъ вниманіе Рязанской публики, чѣмъ извѣстнѣе ей собственное стѣсненное состояніе отличившагося онымъ.

Чудесный подвигъ Протоіерея Курганскаго.

Между несчетными примѣрами твердости духа, ревнія и неусыпнаго раченія въ исполненіи званія своего, случившійся въ Могилевской губерніи новый примѣръ таковыхъ

добродѣтелей заслуживаетъ особенное вниманіе согражданъ нашихъ.

Во время приближенія къ городу Могилеву разбойническихъ Французскихъ войскъ, мѣстечко *Чечерскъ* принадлежащее супругѣ покойнаго Генералъ-Фельдмаршала Графа Чернышева Графинѣ Аннѣ Родіоновнѣ Чернышевой, во стѣ верстахъ отъ Губернскаго города отстоящее, находилось, какъ можно вообразить, въ величайшей опасности. При самомъ вторженіи враговъ въ Отечество и при первомъ воззваніи *Государя Императора* къ вѣрноподданымъ Своимъ, Благочинный и Протоіерей Чечерскаго Собора *Герасимъ Курганскій*, не щадя единственнаго сына своего, не медля и добровольно отдалъ онаго въ воины; самъ же оставшись съ дочерьми въ Чечерскѣ, повседневно научая, творя крестные ходы и колѣнопреклонные молебны о благоденствіи Императора нашего и о пораженіи враговъ его, молилъ усердно Всевышняго охранить отъ зѣва хищника ввѣренное пастырскому его попеченію стадо; а между тѣмъ вперялъ жителямъ вѣру, вѣрность къ Государю и твердое упованіе на Бога.

Вскорѣ приближеніе непріятеля преисполнило страхомъ жителей. Единодушіемъ только ихъ укрѣпленное мѣстечко, обитаемое шестью тысячами семей, благоденствовавшихъ дотолѣ подъ покровительствомъ своей помѣщицы, пришло въ смятеніе и ужасъ. Наконецъ толпа вражія приближалась уже и къ самому валу, мѣстечко Чечерскъ окружающему. Что оставалось дѣлать для спасенія? . . . .

Благочестивый Протоіерей, призвавъ Господа Бога въ помощь, и силою его вдохновенный, приказалъ во всѣхъ трехъ церквахъ начать звонъ во всѣ колокола, и со всѣмъ клиромъ церковнымъ, со святыми иконами, со всѣми хоругвями, самъ же со крестомъ въ рукахъ пошелъ прямо на встрѣчу непріятелю. —

Смѣяться ли въ семъ случаѣ трусости подлыхъ неистовцевъ, пораженныхъ симъ появленіемъ? — или воздавая Божія Богови ,,сказать: *сіи на колесницахъ и сіи на конѣхъ: мы же во имя Господа Бога нашего призовемъ.* Бѣдные Французы такъ перетруси́лись, что обратясь назадъ, не бѣгомъ уже бѣжали, но кубаремъ катились съ вала, растерявъ сѣдла, и полумертвы отъ страха. — Избавя такимъ образомъ стадо свое отъ расхищенія волковъ, Протоіерей *Герасимъ Курганскій* возвратился къ священнымъ обязанностямъ своимъ, славя и благодаря Господа, ополчившаго престарѣлыя руки его оружіемъ Креста своего.

Благочинный Герасимъ имѣетъ 60 лѣтъ отъ роду, удостоенъ уже давно скуфьи за отличіе, и отдавъ единственнаго сына своего въ ополченіе, пребылъ съ пятью взрослыми дочерьми въ Чечерскѣ во все время напастей безтрепетно, вѣря тому, кто изрекъ: *яко на мя упова и избавлю и.*

Приношеніе Козака.

Послѣ достопамятнаго сраженія, происходившаго подъ *Краснымъ*, неизвѣстно како-

го полка Донской Козакъ, подъѣхавъ къ Гвардѣйскому корпусу, продавалъ желающимъ разныя Французскія вещи, по количеству коихъ судя, можно было догадаться, что могущественная рука его сразила многихъ непріятелей. Распродавъ все, собирался онъ уже ѣхать, какъ нечаянно подошелъ къ нему Литовскаго полка Аудиторъ Щегловъ, который увидя мѣшокъ, привязанный къ сѣдлу, спрашивалъ, нѣтъ ли въ немъ также чего нибудь продажнаго? — „Нѣтъ, отвѣчалъ Козакъ; тутъ лежитъ церковное серебро, коимъ я по обѣщанію желаю пожертвовать для какой нибудь полковой церкви, и преимущественно новой. Боже меня сохрани, чтобъ я воспользовался хотя однимъ золотникомъ! У меня и безъ того довольно.“

Щегловъ, похваляя отъ чистаго сердца Богоугодное намѣреніе Козака, предложилъ отдать имѣющееся у него серебро въ церковь Литовскаго полка, говоря: „что хотя въ ней и есть нужная утварь, но по новости, она не имѣетъ еще ничего особеннаго; а притомъ, продолжалъ онъ, что можетъ быть приличнѣе, какъ посвятить сей даръ на украшеніе той церкви, которая находится между воинами, имѣющими щастіе охранять особу Всеавгустѣйшаго Монарха?“— Козакъ, пристально посмотрѣвъ ему въ лице, на которомъ явственными чертами изображалась честность, и не сказавъ болѣе ни слова, съ примѣтнымъ удовольствіемъ отдалъ ему мѣшокъ съ серебромъ и потомъ пустился отъ него, какъ вихрь.— Тщетно Аудиторъ кричалъ ему въ слѣдъ, чтобъ онъ взялъ отъ него росписку,

или по крайней мѣрѣ сказалъ ему свое имя. Козакъ удалился изъ вида, какъ молнія. Таким образомъ серебро доставлено въ полкъ отъ имени неизвѣстнаго, и оказалось вѣсомъ въ 37 фунтовъ.

Отзывъ враговъ всегда справедливъ.

Непостижимая сила напечатлѣла въ сердцѣ человѣка законъ, по которому самые враги воздаютъ справедливость народу, отличающемуся великодушіемъ и человѣколюбіемъ. Во время послѣдней войны между Россіею и Турціею, многіе Турки взяты были въ плѣнъ, въ продолженіе коего не только не претерпѣвали они ни въ чемъ никакого недостатка; но многіе изъ нихъ, съ дозволенія благотворнаго Россійскаго Правительства и съ помощію добрыхъ гражданъ, занимаясь промышленностію и нѣкоторыми издѣліями своего искуства, пріобрѣли себѣ такое состояніе, какого они прежде и въ своей землѣ никогда не имѣли. Сверхъ того каждый изъ нихъ сберегъ довольное количество денегъ и отъ назначаемыхъ имъ ежедневныхъ порцій, въ коихъ они, по милости жителей, почти совсѣмъ не имѣли нужды. Однимъ словомъ: едва ли можно было почесть ихъ плѣнъ нещастіемъ.

Доказательствомъ сего служитъ слѣдующее произшествіе: когда находившіеся въ плѣну Турки, возвращаясь послѣ заключенія мира изъ Россіи въ свою сторону, и проходя чрезъ разные города и селенія Молда-

віи, остановились для отдохновенія въ Яссахъ; — тамошніе жители, изъявляя къ нимъ свое сострадание, стали ихъ называть *нещастными*, потому что въ чужой сторонѣ томились въ плѣну. Благодарные Турки до такой степени симъ были оскорблены, что одинъ изъ нихъ бросился на жителей со гнѣвомъ, и выхвативъ кинжалъ, разогналъ толпу любопытствующихъ. Не только здѣсь, но даже въ своей сторонѣ всѣ они единогласно отзываются о Россіи съ величайшею благодарностію, за оказанное имъ во всѣхъ случаяхъ всякое пособіе и примѣрное человѣколюбіе. Добро имѣетъ такую непреодолимую силу, что самые варвары не могутъ сокрыть онаго во глубинѣ необразованнаго своего сердца.

Храбрость Егорова.

Московской Губерніи, Бронницкаго уѣзда въ деревню *Хрипань* пришли двое Французовъ, и взявъ стоявшую позади дворовъ запряженную въ телѣгѣ лошадь, сѣли на нее и поѣхали въ лѣсъ. — Крестьянинъ той деревни *Егоръ Ивановъ*, караулившій по очереди селеніе, усмотрѣвъ сіе, погнался за ними съ топоромъ и грозилъ изрубить ихъ, естьли они не покинутъ лошади. Грабители, видя, что не могутъ отъ него уѣхать, испугались, бросили телѣгу съ лошадью и сами побѣжали; но означенный крестьянинъ, отпрягши изъ телѣги лошадь, погнался за ними верхомъ. Французы, не надѣясь болѣе на свои ноги, остановились, дабы противустать кре-

стьянину. Но крестьянинъ умѣлъ такъ хорошо маневр ровать топоромъ своимъ, что не только не далъ нанести себѣ ни одной раны отъ двухъ противниковъ, но тотчасъ одного изъ нихъ изрубилъ; другой, видя товарища своего мертвымъ, пустился снова бѣжать; но крестьянинъ догналъ и послѣдняго и убилъ его однимъ ударомъ: такимъ образомъ побѣдивъ двухъ Французовъ, возвратился съ лошадью и телѣгою въ селеніе.

Неблагодарность Французовъ.

Во время занятія Могилевской Губерніи непріятельскими войсками, Французской службы Генералъ Л.., съ одиннадцатью Офицерами квартировалъ въ уѣздномъ городѣ Рогачевѣ у Г. К.. Хозяинъ дома изъ опасенія, чтобъ сіи незваные и наглые гости, по ихъ обыкновенію, не разграбили малаго имущества его, собраннаго долговременными трудами, принужденъ былъ угощать ихъ кушаньемъ и напитками по ихъ требованію.— Гости осыпали хозяина громкими похвалами то за вкусную дичину, то за жирныхъ каплуновъ, то за хорошо изготовленные соусы, то наконецъ за искусно подобранные ко вкусу ихъ вины; но Его Превосходительство находилъ болѣе вкуса въ жирной телятинѣ и Венгерскихъ винахъ.

Генералъ дѣлалъ хозяину самыя лестныя обѣщанія; Адъютанты предлагали ему свою дружбу, а прочіе Офицеры вызывались даже къ его услугамъ.— Вдругъ ударили тревогу, и всѣ экипажи изготовились въ походъ, —

При отъѣздѣ достопочтенный гость, въ присутствіи самаго хозяина, разломалъ его шкафъ, и прибралъ къ себѣ форфоровой чайный приборъ, двѣнадцать столовыхъ ложекъ и одну суповую. Въ то же время Офицеры, подражая начальнику своему, бросились по комодамъ и сундукамъ и опорожнили оные дочиста.—

„Не сердись, мой другъ, сказалъ Генералъ въ утѣшеніе доброму своему хозяину; тебѣ можно обойтись и безъ сихъ бездѣлицъ, а мы (Французы) изъ того только и служимъ." Вотъ правила великихъ послѣдователей великаго Наполеона! Вотъ народъ, у котораго истреблено и то чувство, которое неотъемлемо воо живляетъ и самыхъ свирѣпѣйшихъ звѣрей — Французы потеряли даже чувство благодарности.

Рѣшительность Русскаго Генерала.

Жители Пиллавы будутъ вѣчно благословлять Россійскихъ Полководцевъ, Генерала отъ Кавалеріи Графа *Витгенштейна*, и Генералъ-Маіора Графа *Сиверса*.

Когда по сдѣланной диспозиціи Графа Витгенштейна, Россійскія войска подъ командою Графа Сиверса приближились къ крѣпости Пиллавѣ на пушечный выстрѣлъ, и устроили батареи; то Графъ Сиверсъ требовалъ именемъ Короля Прусскаго сдачи крѣпости отъ Комендантa оной, Французскаго Генерала Кастелла, который, по объявленіи начальника Прусскихъ войскъ, часть гарнизона составляющихъ, что въ случаѣ сопро-

шивленія, будетъ дѣйствовать за Русскихъ, и видя 800 жителей, готовыхъ поддержать сіе, собралъ военной совѣтъ, и въ капитуляціи заключаемой при сдачѣ Россіянамъ города Пиллавы испрашивалъ между прочимъ, что бы ему и находящемуся подъ начальствомъ его войску позволено было выйти изъ города и отправиться или въ Данцигъ, или къ ближайшему мѣсту, занятому Французскими войсками. Храбрый Россійскій Генералъ противъ сего пункта написалъ слѣдующее: „войска сіи или отправятся на лѣвой берегъ Рейна, или сдадутся военноплѣнными; третьяго нѣтъ ничего.“

Французскій Генералъ принужденъ былъ согласно первому подписать конвенцію, въ слѣдствіе коей Французскія войска выступили изъ города по назначенію, а Россійскія заняли оный при радостныхъ восклицаніяхъ жителей всякаго званія. Герои Россійские въ скоромъ времени снова выступили изъ Пиллавы, дабы довершить пораженіе всемірнаго врага человѣчества — выступили; но прішпнѣйшее объ нихъ воспоминаніе сохранится навсегда въ сердцахъ народа.

Признательность Монарха.

Когда Варшава преклонила наконецъ главу свою предъ Великимъ Императоромъ Всероссійскимъ АЛЕКСАНДРОМЪ, кроткимъ обладателемъ полсвѣта; то въ городѣ Плоцкѣ, находящемся въ Пруссіи 29го Генваря 1813 года происходило, можно сказать, всеобщее торжество. — Всеавгустѣйшій

Монархъ Россіи, изволилъ присудствовать при разводѣ Своей Гвардіи, съ свойственнымъ ему удовольствіемъ спѣшилъ сообщить радость Свою храбрымъ Своимъ воинамъ, прославившимъ и увѣковѣчившимъ царствованіе Его на незыблемомъ основаніи славы и величія. Громогласное *ура*, безпрестанно носящееся по рядамъ воиновъ, лица преисполненныя радости, восторга и признательности къ Отцу Россіи и, по судьбамъ Всеблагаго Промысла, избавителю Европы, свидѣтельствовали искреннее изліяніе вѣрноподданнѣйшихъ чувствій на милостивое привѣтствіе и Высочайщее поздравленіе со взятіемъ Варшавы.

По окончаніи развода Императоръ, въ сопровожденіи храбрыхъ воиновъ Своихъ, изволилъ шествовать ко Дворцу, вблизи коего встрѣченъ былъ Фельдмаршаломъ, Свѣтлѣйшимъ Княземъ Кутузовымъ-Смоленскимъ. Тутъ открылась новая разительная картина, превышающая всякое описаніе. Признательный Монархъ къ заслугамъ Своего Полководца, со врожденною ему кротостію и благостію, спѣшитъ къ знаменитому Князю Смоленскому, посѣдѣвшему на поляхъ брани и славы, обнимаетъ его, цѣлуетъ, и обратясь къ воинамъ, произноситъ *ура!* Сіе *ура* отъ всей искренности сердецъ переливается изъ устъ во уста восхищенныхъ воиновъ. Фельдмаршалъ преклонный лѣтами, маститый старостію, покрытый славою, знаменитый побѣдами, со изъявленіемъ живѣйшей благодарности бросается къ Монарху, ознаменовавшему старость его толь много-

ми милостями и щедротами. — Воины воскликнули еще троекратно *ура!* и потомъ музыка, игравшая передъ Дворцемъ долгое время, казалось повторяла еще всѣ изліянія общихъ радостныхъ чувствъ, и продолжала сіи восхитительныя и незабвенныя минуты. Можетъ ли что быть восхитительнѣе для сѣдовласаго Старца — вождя Героевъ, какъ признательность юнаго, но всѣми любимаго, всѣми благословляемаго, всѣми боготворимаго Монарха? Можетъ ли что быть отраднѣе сердцу Монарха — Отца безчисленныхъ народовъ, какъ усматривая событія человѣколюбивыхъ своихъ намѣреній, награждать споспѣшниковъ своихъ съ полною признательностію? Хвала Тебѣ, Великій Монархъ АЛЕКСАНДРЪ! Хвала Тебѣ мудрый Полководецъ, Кутузовъ!

Вліяніе Библейскаго Общества.

Лифляндской Губерніи въ Венденскомъ уѣздѣ живетъ крестьянинъ старичокъ и грамотѣй, и съ Библіею, а особливо съ Новымъ Завѣтомъ такъ знакомъ, что изъ онаго мало чего наизусть не знаетъ. Будучи боленъ ногами, сидитъ онъ окруженный дѣтьми и внучатами, которымъ читаетъ почти безпрестанно Священное писаніе. Одинъ изъ тамошнихъ Помѣщиковъ, человѣкъ весьма благонамѣренный, узнавъ объ учрежденіи въ Санктпетербургѣ *Библейскаго Общества*, не преминулъ посѣтить старика крестьянина, съ намѣреніемъ извѣстить его о семъ Богоугодномъ заведеніи. Приходитъ и застаетъ

его съ Библіею въ рукахъ, которая, отъ ежечаснаго употребленія такъ была стара и изорвана, что едва и читать ее было можно. Во время разговора Помѣщика со старикомъ, ни о чемъ сей послѣдній такъ не жалѣлъ и не вздыхалъ, какъ о томъ, что книга его изношена, и что естьли Богъ продлитъ ему жизнь, то не знаетъ, что будетъ дѣлать; ибо во всемъ селеніи одна только и есть его Библія. —

Но когда Помѣщикъ разсказалъ крестьянину о *Петербургскомъ Библейскомъ Обществѣ* и о благотворной цѣли онаго; то крестьянинъ столько сему обрадовался, что пришелъ въ совершенной восторгъ, и отъ слезъ, которыя текли изъ глазъ его ручьями, не могъ онъ нѣсколько минутъ выговорить ни слова. — Наконецъ отдохнувъ, сказалъ, умиленно осклабляя престарѣлое лице свое: „вотъ Баринъ, каковъ нашъ благотворный АЛЕКСАНДРЪ! Онъ ищетъ доставить намъ не только временное, но и вѣчное блаженство. Онъ узаконеніями Своими даровалъ намъ уже здѣсь благоденствіе, а теперь отверзаетъ намъ источникъ воды, текущія въ животъ вѣчный.“ Когда же Помѣщикъ подарилъ крестьянину новой экземпляръ Библіи; то старикъ не зналъ, что отъ восхищенія дѣлать: онъ цѣловалъ ее стократно, прикладывалъ въ трепещущему своему сердцу, то плакалъ отъ умиленія, то радовался; благодарности, которую онъ чувствовалъ къ Помѣщику, описать не возможно! Много есть страстныхъ любителей Священнаго писанія, слѣдовательно учрежденіе въ Россіи

Библейскаго Общества во многихъ произведетъ подобныя, неизъяснимыя, небесныя ощущенія.

Торжество Русскихъ воиновъ.

Когда отрядъ Россійскихъ войскъ подъ командою Полковника *Теттенборна*, по изгнаніи Французовъ, вступилъ въ Гамбургъ, то обитатели онаго такою исполнены были радостію, какой не замѣчено было между ими съ самаго основанія ихъ города. Единственное, громкое торжество могло быть токмо по случаю освобожденія отъ толь долговременнаго и несноснаго ига Тирана. Тридцать человѣкъ изъ гражданъ выѣхали верьхомъ на встрѣчу Россійскимъ войскамъ за двѣ мили отъ города, для сопровожденія ихъ въ оному. Потомъ появились городская гвардія и другія сословія, а наконецъ и множество жителей всякаго состоянія вышло изъ города, и покрыло всѣ дороги, улицы и дворы. Обрадованныя толпы сіи окружали Русскихъ воиновъ, и провожая ихъ, восклицали безпрерывно *ура!*

Между тѣмъ Козаки пѣли веселыя національныя свои пѣсни. У воротъ поднесены Полковнику *Теттенборну* городскіе ключи; а потомъ три дѣвушки въ бѣлой одеждѣ возложили на него вѣнокъ съ дружелюбнымъ привѣтствіемъ. Стеченіе народа умножалось на каждомъ шагу и чрезвычайная радость превратилась въ совершенный всеобщій восторгъ. „*Да здравствуетъ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ! Онъ избавитель, освободитель нашъ! ура!* повторяли безпрестанно многія

тысячи голосовъ, сотрясая воздухъ своими восклицаніями.

Изъ всѣхъ оконъ, изъ всѣхъ каретъ развѣвалось безчисленное множество платковъ; цѣхи преклоняли свои значки; шляпы, увитыя зеленью, поднимаемы были вверхъ на длинныхъ шестахъ и шпагахъ, или взвивались вмѣстѣ съ радостными криками на воздухъ; во всѣ колокола производился звонъ; повсюду слышны были радостные выстрѣлы изъ ружей и пистолетовъ. Со всѣхъ сторонъ тѣснился народъ, и украшалъ зеленью лошадей у Офицеровъ, ѣхавшихъ впереди; а женщины бросали на нихъ цвѣты и вѣнки; многіе проливали слезы отъ радости; знакомые и незнакомые безъ разбору обнимались и поздравляли другъ друга, что дожили столь благополучнаго дня; по всѣмъ улицамъ выставлены были бюсты ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА, увѣнчанные лаврами, и Полковникъ *Теттенборнъ* предъ каждымъ бюстомъ останавливаясь, восклицалъ: *ура!* что съ величайшею радостію повторяемо было народомъ. Ввечеру весь городъ былъ освѣщенъ, театръ открытъ и наполненъ зрителями.

По выходѣ Полковника *Теттенборна* изъ театра, граждане отпрягли лошадей отъ его экипажа, довезли его сами до дому, и потомъ внесли туда на своихъ плечахъ. — Когда же *Теттенборнъ*, по повелѣнію Россійскаго начальства, объявилъ жителямъ Гамбурга, что отнынѣ возстановляется свобода мореплаванія и торговли сего города съ Англіею и со всѣми народами, кои не находятся въ войнѣ съ Россіею; то жители, отпра-

вали немедленно пакетботъ въ Англію съ письмами, испросили у Россійскаго начальства, дабы, согласно сильнѣйшему желанію самихъ Англичанъ, отправленъ былъ съ ними одинъ Русской Козакъ, который едва вступилъ на берегъ Англіи, окруженъ былъ толпами народа, съ радостію привѣтствующаго храбраго Русскаго воина, сдѣлавшагося удивленіемъ для всѣхъ. Англенскіе Министры и Лорды, Дворянство и Купечество и всѣ вообще сословія старались на перерывъ имѣть у себя въ домѣ богатыря, который искусно умѣетъ поражать Гальскую Гидру.

Французской Гренадиръ.

Извѣстно, что побѣдоносная Россійская армія, изгнавъ непріятеля изъ Отечества, не преставала преслѣдовать ихъ и за предѣлами онаго, поражая ихъ силу и истребляя всѣ непріязненныя ополченія. Во время такого быстраго и единственнаго въ лѣтописяхъ міра преслѣдованія, Французовъ доставалось въ руки побѣдителямъ столь великое множество, что Русскіе перестали уже и заботиться о забираніи въ плѣнъ почти добровольно отдающихся въ оной. —

Въ окрестностяхъ Кенигсберга гренадиръ Наполеоновой гвардіи, видя неминуемую свою погибель отъ холода и голодной смерти, рѣшился отдать себя въ плѣнъ Русскому солдату въ началѣ небольшой перестрѣлки; но Русской, не удостоивая гренадира никакого вниманія, толкнулъ его отъ себя, а самъ устремился за бѣгущими, дабы поражать ихъ.

Гренадиръ въ крайнемъ ожесточеніи началъ на себѣ рвать волосы, говоря: „ какъ? Гренадиръ Французской Императорской Наполеоновой гвардіи, находящійся на службѣ двадцать два года, понесшій труды и походы, получившій на сраженіяхъ одиннадцать ранъ; — и Русской простой солдатъ не хочетъ удостоить меня своего плѣна! Послѣ сего я не слуга Тирану, не жизнь, а смерть мнѣ облегченіе. —“ Сказавъ сіе, лишилъ онъ себя жизни.

Безкорыстіе Кирасира.

Во время кровопролитнѣйшаго сраженія, происходившаго при городѣ Полоцкѣ, одинъ Лейбъ-Кирасирскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка, резервнаго эскадрона рядовой взялъ въ плѣнъ Французскаго лѣкаря, который, увидѣвъ въ побѣдителѣ своемъ грознаго воина, ожидалъ отъ него весьма непріятныхъ для себя послѣдствій. Но Кирасиръ, побѣдивъ его естественною силою, сдѣлался для побѣжденнаго истиннымъ удивленіемъ и со стороны душевныхъ добродѣтелей: онъ поступилъ съ нимъ такъ, какъ благонамѣренному воину честь повелѣваетъ. Лѣкарь, тронутый снисходительностію своего побѣдителя, предложилъ ему свои часы и кошелекъ; но какимъ пораженъ онъ былъ изумленіемъ, когда Кирасиръ великодушно отказался отъ того и другаго!

Когда по приведеніи въ команду плѣннаго, Кирасиръ получилъ себѣ его лошадь, какъ принадлежащую ему добычу: то онъ тот-

часъ отвелъ ее къ Городничему, и просилъ чтобъ оную продали *въ пользу больныхъ и раненыхъ.* Вотъ человѣкъ, имѣющій истинно безкорыстную душу! Вотъ истинный воинъ, достойный всякаго подражанія!

Любовь Наполеонова къ своимъ солдатамъ.

Эпоха бѣгства Наполеонова изъ Россіи, есть эпоха вѣчнаго стыда его и безславія. Выступая изъ Смоленска, далъ онъ повелѣніе подорвать городскую стѣну. Ему докладываютъ, что сіе сопряжено съ величайшею опасностію для самыхъ армій Его Величества; ибо возлѣ самой почти стѣны помѣщается около 12000 Французскихъ больныхъ. — „Это лягушки, вскричалъ Наполеонъ, пускай погибаютъ! повелѣніе должно быть исполнено въ точности." . . . Восхищайтесь, Французы! вы имѣете достойнаго васъ обладателя.

Осмѣяніе Маршала Лефевра.

Во время великаго бѣгства изъ Россіи Французской прежде бывшей большой арміи, превратившейся уже тогда въ малую, Французской Маршалъ Лефевръ увидѣлъ нѣсколько полковъ своей дивизіи въ величайшемъ безпорядкѣ бѣгущихъ и бросающихъ оружіе. Онъ истощилъ все свое краснорѣчіе, чтобъ привести ихъ опять въ порядокъ; напоминалъ имъ прежнія ихъ побѣды, описывалъ стыдъ, какимъ они себя покрываютъ чрезъ сіе бѣгство: но тщетно; ни кто его

не слушалъ. Наконецъ сорвалъ онъ съ мундира своего эполеты, бросилъ на землю шляпу и шпагу, и вскричалъ въ совершенномъ отчаяніи." Бѣгите же, трусы! Вѣчный стыдъ вамъ, и тому, кто еще вздумаетъ когда либо вами командовать!" — За симъ раздалось вдругъ общее насмѣшливое восклицаніе!" Браво Господинъ Генералъ! браво! Вы заслуживаете мѣсто перваго актера въ Парижѣ."

Зимняя обмундировка Французской арміи.

По отступленіи Французовъ отъ Москвы, ретировались они сколько можно поспѣшнѣе, дабы уйти отъ наступающихъ уже морозовъ. Во время переходовъ скорыми маршами, пропало у нихъ все платье отъ дурной погоды, а обувь отъ скользкой и шероховатой дороги. Такимъ образомъ, вся Французская армія, не исключая и самихъ Офицеровъ, одѣвались, или лучше сказать, прикрывали свою наготу, кто чѣмъ попалъ и именно: одни были въ оставшихся своихъ мундирахъ, по верху коихъ надѣты были женскія юпки; другіе въ Русскихъ мужичьихъ семрягахъ и въ женскихъ на головѣ чепчикахъ; нѣкоторые были вовсе нагіе и покрытые только кое-какими лохмотьями, или кожами, имѣя на ногахъ одинъ сапогъ, а другой башмакъ, или лапоть, а большая часть ихъ до того дошла, что обвертывала себя волною, пенькою и даже сѣномъ. Проходя такимъ образомъ чрезъ городъ Смоленскъ, Наполеону вздумалось сдѣлать своимъ войскамъ смотръ. Случившіеся при немъ Польскіе Вельможи,

видя сію непобѣдимую армію въ такомъ странномъ нарядѣ, не преминули спросить Наполеона: Ваше Величество! къ чему такая обмуидировка? Онъ отвѣчалъ имъ; зимнія квартиры далеко: мои солдаты нѣжны, и непривыкли къ варварскому климату: я имъ велѣлъ одѣться потеплѣе: это главное дѣло моего попеченія!...

Французы не всѣхъ лошадей своихъ съѣли въ Россіи.

Извѣстно, что Французская армія во время ретирады своей отъ Москвы, столь сильной претерпѣвала голодъ, что принуждена была питаться лошадинымъ мясомъ. Такимъ образомъ не только ѣли они падающихъ лошадей, но выпрягали ихъ изъ подъ пушекъ, раздѣляли на части и утоляли голодъ свой, а пушки или везли сами, или пришедши въ изнеможеніе, бросали ихъ въ воду и зарывали въ землю. Случилось одному Французскому солдату, лежащему въ лѣсу при смерти отъ голоду увидѣть, что Козакъ бросаетъ издыхающую лошадь, отнятую имъ у Французскаго Офицера, съ которой снялъ онъ всю збрую. — Онъ убѣдительно просилъ Козака отрубить для него у лошади одну ногу, дабы утолить ему свой голодъ и тѣмъ избавиться отъ смерти. Козакъ исполнилъ тотчасъ его прозьбу и отрубилъ у лошади двѣ ноги, сказавъ Французу: вотъ тебѣ Мусье двѣ, съ тѣмъ, чтобы ты одну самъ съѣлъ, а другую отнесъ во Францію для доказательства, что васъ въ Россіи

кормили хорошо, и потому вы не всѣхъ своихъ лошадей съѣли." Французъ далъ слово Козаку; но смерть постигшая его на другой день отъ стужи, не позволила ему сдержать онаго.

Французскіе бюллетени лгать не умѣютъ.

Послѣ пораженій Французскихъ армій Россійскими войсками долго во Франціи не получали отъ Наполеона никакого извѣстія, хотя Парижская публика ежедневно отправляла въ армію курьеровъ. Наконецъ получаетъ Наполеонъ отъ своего Министра Полиціи депешу; въ которой между прочимъ, убѣдительно онъ проситъ Наполеона не замедлить отвѣтомъ; ибо въ противномъ случаѣ могутъ произойти въ народѣ отъ слуховъ слѣдствія, не только для него опасныя, но даже вредныя для собственной особы Наполеона. Прочитавъ сіе, Наполеонъ взбѣсился, призвалъ дежурнаго Генерала и съ необыкновенными угрозами сказалъ: пиши! Генералъ, встревоженный ужаснымъ его видомъ, спросилъ: что прикажите писать? Наполеонъ съ большимъ еще бѣшенствомъ закричалъ: пиши, стали на зимнихъ квартирахъ! Бюллетень составленъ, и Парижская публика успокоена на нѣкоторое время. Нужно ли говорить, что Бюллетень сей не солгалъ? Конечно вся почти Французская армія осталась зимовать на поляхъ Россіи, бывъ жертвою то острея меча, то хлада и голодной смерти.

Русской Геркулесъ.

Во время быстраго стремленія Французовъ отъ Смоленска въ Москву, нѣкоторые отряды вступили въ Сычевку. Партія, состоящая человѣкъ изъ восьми взошла на дворъ къ Сычевскому Старостѣ, который вышелъ къ нимъ на встрѣчу обезоруженъ и безъ всякаго страха. Французы надѣясь получить отъ него все, что ни потребуютъ, и видя его обезоруженнымъ, поставили и свои ружья. Но когда обступили они своего хозяина и начали изъяснить ему свои требованія; то хозяинъ топчасъ схватилъ двухъ, возлѣ него стоящихъ Французовъ за ихъ перевязи, замахнулъ ими на ихъ товарищей столь сильно, что оба они съ крикомъ въ тужъ минуту испустили духъ свой, а другіе бросившіеся на него со шпагами, однимъ ударомъ стали обезоружены и подъ тяжестію ихъ пали всѣ мертвыми. Гордись, благословенная Россія, великими сынами твоими; во всякомъ состояніи имѣешь ты своихъ Геркулесовъ!

Справедливость Французовъ.

Во всѣ времена Французы были непостоянны, вѣтренны, легкомысленны и лживы.— Сіе послѣднее свойство ихъ, въ Наполеоновы времена содѣлалось стихіею, коею дышатъ Французы отъ мала до велика. Чтобы доказать сіе, стоитъ только взглянуть на бюлетени ихъ, писанныя во всѣ кампаніи Наполеона. Они наполнены лжами, тщеславіемъ и не-

справедливостями всякаго рода. Чѣмъ больше встрѣчалъ онъ неудачь въ своихъ предпріятіяхъ, тѣмъ больше прибѣгалъ къ симъ ненавистнымъ средствамъ. — Не довольно того, что во все время похода его въ Россію лгалъ онъ въ своихъ бюллетеняхъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, и обманывалъ ослѣпленныхъ имъ народовъ; но даже по возвращеніи его отъ бѣгства изъ Россіи, не переставалъ онъ вездѣ разсѣвать ложныхъ слуховъ въ народѣ, и принуждалъ ихъ имъ вѣрить. Примѣру своему научилъ онъ слѣдовать и своихъ Маршаловъ и Генераловъ, которые на вопросы, имъ дѣлаемые, гдѣ армія, и за чѣмъ возвратились они изъ оной безъ своихъ корпусовъ, или отвѣтствовали, что армія вся въ цѣлости, и находится на зимнихъ квартирахъ, или же удостовѣряли, что въ Россіи свирѣпствуетъ моровая язва, которая истребила армію, и отъ которой едва они и сами могли спастись. Въ удостовѣреніе сего, нѣкоторые изъ Маршаловъ и Генераловъ, можетъ быть по приказанію Наполеона, велѣли себя окуривать на карантинахъ. — Не льзя не удивляться, до какой степени Французской народъ легковѣренъ!

Прыткость Французскихъ лошадей.

Во время нашествія Французовъ на Россію случалось весьма часто, что Козаки вступали въ бой съ регулярными непріятельскими войсками и ихъ разбивали, или обращали въ бѣгство. — Однажды они ударили на отрядъ Французской кавалеріи; — весь

отрядъ сей обратился въ бѣгство. Одинъ Гусаръ соскочилъ съ лошади и пустился бѣжать.— Козаки, схвативъ его, начали спрашивать: по какой причинѣ онъ оставилъ свою лошадь? — Не удивляйтесь, сказалъ онъ: я болѣе надѣюсь на свои ноги, чѣмъ на ноги моей лошади; — давно уже наши лошади едва съ мѣста двигаются; и я за тѣмъ только на нее взлѣзъ, что бы сидя повыше, можно было удобнѣе издалече васъ завидѣть.

Безкорыстная услужливость Еврея.

Примѣчено всѣми, что Бѣлорусскіе Евреи, при наступленіи Французовъ, были въ крайнѣмъ унынiи, а при занятіи снова Бѣлоруссіи Россійскими арміями, радовались чрезвычайно. Находясь подъ тиранскою властію неприятелей нашихъ, они содержали строжайшій постъ, и вседневно молились въ Синагогахъ о дарованіи Всероссійскому Государю побѣды и одолѣнія надъ врагами его. — Едва только войски наши выгнали Французовъ изъ Бѣлоруссіи, и сами вступили въ сей край, какъ одинъ Еврей, явился къ Генералу Милорадовичу и предложилъ ему свои услуги. Предложеніе его было тотчасъ принято, по заключающейся въ немъ важности; ему немедленно приказано было собрать нѣкоторыя самонужнѣйшія свѣденія; — а дабы болѣе вывѣдать ревности его къ исполненію препоручаемаго ему дѣла, Генералъ велѣлъ выдать ему извѣстную сумму денегъ. — Еврей, уклоняясь отъ таковаго воздаянія, сказалъ: Ваше Высокопревосходительство! не-

перь такое время, что и Жиды должны служить безъ денегъ. — Последствие оправдало усердіе добраго Еврея; онъ во всей точности и съ желаемымъ успѣхомъ исполнилъ препорученное ему.

Сколько волка ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ.

Въ началѣ Октября 1812 года испрошено было у ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА Министромъ Просвѣщенія Высочайшее соизволеніе на изданіе Историческаго и Политическаго журнала, подъ названіемъ: *Сынъ отечества.* — Когда обьявлена была подписка на полученіе онаго; то многіе не только изъ Русскихъ, даже изъ иностранцевъ изъявили на то свое желаніе. — Одна извѣстная особа, получивъ сіе объявленіе, пріѣхала въ одинъ домъ къ столу, гдѣ обыкновенно бываетъ всегда человѣкъ до пяти и Французовъ. — Сколько упомянутая особа ни торопилась, чтобы поспѣть къ столу, однакожъ пріѣхала позднѣе обыкновеннаго къ тому времени. — Французы, по своей учтивости, употребляемой ими по большой части не изъ чистосердечія, но изъ корыстолюбія, раздвинулись и дали новоприбывшему гостю между собою мѣсто, спрашивая его, отъ чего такъ поздо? — въ отвѣтъ на сіе подано имъ было объявленіе, которое, не читая, начали они передавать другъ другу. Почему? Имъ ѣсть хотѣлось? — Нѣтъ! — Объявленіе начиналось слѣдующими словами: *въ то время, когда злобный разрушитель Царствъ занесъ дерзкую свою ногу*

въ предѣлы благословенной земли Россійской, и тлетворнымъ дыханіемъ своимъ распространяетъ повсюду и проч. Такъ Французы во всей силѣ оправдываютъ пословицу: сколько волка ни корми, онъ будетъ все въ лѣсъ смотрѣть. . . . —

Участіе Французовъ въ нещастіи Русскихъ.

Когда всемірный врагъ человѣчества, упоенный своими успѣхами, съ неистовствомъ и жадностію стремился въ Москву, — уныніе и скорбь овладѣли сердцами всѣхъ истинныхъ Россіянъ до такой степени, что всѣ почти будучи поражены страшными слухами о взятіи Москвы и увлечены всеобщимъ въ народѣ безпокойствомъ, противъ своей воли, и съ разтерзаннымъ сердцемъ, стали собираться, дабы оставить свои домы и удалиться въ страну, болѣе безопасную. — Въ одинъ домъ, гдѣ уже все почти готово было къ отъѣзду, приходитъ одинъ знакомый Французъ, и видя свертки и ящики, воскликнулъ съ полнымъ удовольствія сердцемъ: *Боже мой, что я вижу, и къ чему всѣ сіи безпокойства! — поздравляю васъ! — Москва взята! хуже не будетъ.* — Змѣя подъ цвѣтами!!!

Польза Французскихъ Актеровъ въ Россіи.

Въ исходѣ 1812 года разнесся слухъ въ Санктпетербургѣ, что Французскій театръ уничтожится, а труппа Французскихъ Актеровъ увольнена будетъ вовсе отъ службы —

въ чистую отставку. — Благонамѣренные Россіяне радовались тому, а нѣкоторые по такъ — то охотно тому и вѣрили. — Нѣкто изъ сихъ послѣднихъ, встрѣтившись на булеварѣ съ однимъ Французскимъ актеромъ сказалъ: слухъ носится, и очень вѣрный, что вы не будете болѣе играть въ театрѣ: проворный Французъ тотчасъ отвѣчалъ: *тѣмъ лучше; мы болѣе будетъ имѣть времени играть наши роли въ домахъ.*

Безвѣріе и развратъ Французовъ.

Священникъ Католической церкви, находящейся въ Москвѣ, въ письмѣ своемъ къ одному изъ знакомыхъ своихъ, между прочимъ пишетъ слѣдующее: „Развратъ нынѣшнихъ Французовъ и другихъ Католическаго исповѣданія воиновъ Наполеоновой арміи превосходитъ всякое вѣроятіе. По вступленіи ихъ въ Москву, однажды только, при самомъ началѣ достопамятнаго ихъ тамъ пребыванія, три Офицера забрели въ церковь, въ которой онъ отправлялъ служеніе Богу. Вмѣсто благоговѣнія во храмѣ къ Всевышнему Существу, развалившись на скамейкѣ въ неблагопристойномъ видѣ съ лорнетомъ въ рукахъ, посвистывая, зѣвали они во всѣ стороны, и не видя женщинъ въ церкви, вышли вонъ, оказавъ всевозможные знаки ругательства и пренебреженія ко всему священному. — Послѣ сего, во все время ихъ пребыванія въ Москвѣ, ни одинъ Генералъ, ни одинъ Офицеръ, ни одинъ даже солдатъ не заглянулъ въ церковь. По изгнаніи ихъ изъ Москвы, когда

онъ, Священникъ, соболѣзнуя по долгу своему о сихъ заблудшихъ овцахъ, рѣшился по внушенію совѣсти своей, посѣтить больницу, въ которой множество оставалось больныхъ и раненыхъ Французскихъ воиновъ, лежавшихъ почти при послѣднемъ издыханіи, былъ онъ, къ неожиданному своему удивленію, встрѣченъ насмѣшками и ругательствомъ, которые наконецъ превратились въ явные угрозы, — и онъ съ опасностію собственной своей жизни, принужденъ былъ удалиться и оставить сихъ нещастныхъ въ закоснѣломъ ихъ безвѣріи". — Вотъ плоды Французскаго воспитанія! вотъ слѣдствія Макіавельской системы Наполеона!

Благочестіе Французовъ.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ замѣчено было всѣми почти путешественниками истинное, или можетъ быть лицемѣрное чувство благочестія и набожности въ народѣ Французскомъ. Въ наши времена злочестіе Французовъ не принимаетъ уже на себя никакой маски. Недавно одинъ Священникъ Парижской церкви заставилъ во время богослуженія ходить по церкви съ кошелькомъ для сбора подаянія на украшеніе церковное, одну оперную танцовщицу. На другой день напечатано было въ Парижскомъ журналѣ слѣдующее замѣчаніе: „танцовщица отправляла порученную ей отъ Священника должность съ такою пріятностію, что едва можно было удержаться отъ рукоплесканія." — До чего дошли развратъ и нечестіе! —

Надлежитъ выставлять въ церквахъ на показъ комедіанокъ, чтобъ заманить туда кого нибудь.

Церковь превращенная въ театръ.

Когда Римляне сбились съ пути благородныхъ и знаменитыхъ своихъ предковъ, — когда потеряли они всю любовь къ благочестію, всю наклонность къ добродѣтели; тогда они не искали и не просили у угнѣтающаго ихъ начальства ни чего болѣе, кромѣ хлѣба и зрѣлищь. Точно таково теперь, или еще гораздо хуже положеніе Французовъ! Алчность къ завоеваніямъ и кровопролитію, безпрестанныя войны и желѣзный скипетръ въ рукахъ ихъ Деспота потушили въ нихъ всякое благородное чувство. Во время пребыванія своего въ Плоцкѣ, превратили они тамошнюю Католическую Кафедральную церковь въ театръ, оставивъ ей впрочемъ весь наружный видъ храма Божіяго, какъ то: колоколъню, крестъ, надписи и т. п. и заставили священника оной церкви играть въ оркестрѣ сего театра на басѣ. — О разврать превосходящій всякую мѣру наказанія! Можетъ ли Исторія всѣхъ народовъ Міра представить намъ подобный примѣръ безбожія, нечестія и ненаказанности?

Алчность Французовъ.

Супруга покойнаго Генералъ-Фельдмаршала Князя Репнина покоилась въ особомъ памятникѣ, въ окрестностяхъ города Виль-

ны. Русскіе, овладѣвъ снова симъ городомъ, нашли, что монументъ Княгини Репниной разоренъ и весь разрытъ; гробъ выкопанъ и разбитъ; тѣло покойной вынуто и брошено. — Изувѣры сдѣлали все сіе для похищенія перстней и тому подобныхъ украшеній! — Что можетъ служить преградою безбожной алчности такого народа, который вырылъ тѣла собственныхъ своихъ Королей: Св. Лудовика, Генриха IV, и Лудовика XIV, и уничтожилъ самые останки ихъ? — Всѣмъ извѣстно, что когда открытъ былъ гробъ Лудовика XIV; то одна женщина бросилась на вынутое изсохшее тѣло, ударила по щекѣ и начала топтать его ногами безпрепятственно!!! О изверги природы и человѣчества! какъ васъ носитъ земля? Какъ не поражаетъ васъ праведное Небо громами своего правосудія?

Истинное признаніе Французскаго Офицера.

Во время нахожденія Французовъ въ Москвѣ, многіе изъ Генераловъ и Офицеровъ Французской арміи имѣли переписку съ Парижскою публикою, которой открывали нѣкоторые изъ нихъ настоящія свои чувствованія въ разсужденіи поступковъ ихъ въ Россіи. — Въ одномъ изъ перехваченныхъ писемъ изображено слѣдующее: „Въ Москвѣ мы покрыли себя стыдомъ и безславіемъ, посрамились преступленіями и злодѣйствами; унизительно послѣ того носить Французской мундиръ; съ чрезвычайнымъ нетерпѣніемъ ожидаю я той минуты, въ которую я сброшу его съ плечъ

своихъ." Такъ сознавался одинъ Французской Офицеръ находящемуся въ Парижѣ другу своему! Скоро всякъ изъ нихъ скажетъ тоже, но, можетъ быть, уже слишкомъ поздно.

Образцовое знамя.

Малодушные союзники, служащіе слѣпымъ орудіемъ славы Наполеоновой, не избѣгли равномѣрно достойной ихъ участи. — Баварскій корпусъ весь истребленъ храбрыми Россіянами; Генералы ихъ побиты. Графъ Витгенштейнъ, разбивъ корпусъ Гувіона Сенъ Сира, взялъ у Баварцевъ пушки и послѣдніи ихъ знамена. Одинъ изъ плѣнныхъ Офицеровъ просилъ Русскихъ, чтобы они оставили имъ хотя одно знамя. — Для чего это, спрашивали ихъ? — *Для образца*, отвѣчалъ плѣнный; *иначе мы забудемъ какъ ихъ дѣлать.*

Крестьяне подъ командою Козака.

Французскій Генералъ Легранъ, съ однимъ батальіономъ пѣхоты и эскадрономъ кавалеріи хотѣлъ занять деревню Жарцы, что въ Полоцкомъ повѣтѣ. — Жители сей деревни, Русскіе крестьяне, узнавъ о томъ и слыша довольно о своихъ собратіяхъ, отличающихся въ Смоленской и Московской Губерніяхъ, просили случившагося тамъ Донскаго Козачьяго Подполковника Платова 4го полка Козака Грушкова принять команду надъ ними, дабы они могли защищать свои жилища отъ наступающаго непріятеля. Козакъ весьма охотно согласился на таковую

прозьбу, и по его распоряженію, крестьяне вооружившись, кто чѣмъ могъ, бросились въ ближайшій къ ихъ деревни лѣсъ. — Такимъ образомъ, когда Французы стали приближаться къ нимъ, они встрѣтили ихъ изъ лѣсу ружейнымъ огнемъ, чѣмъ привели Французовъ въ такое недоумѣніе и страхъ, что они, оставивъ свое на деревню покушеніе, обратились всѣ въ бѣгство. — Храбрые и ободренные своимъ успѣхомъ крестьяне ударились преслѣдовать непріятеля, и не переставали имъ наносить ударовъ до тѣхъ поръ, пока возможно было: они убили у непріятеля нѣсколько человѣкъ, много ранили, съ бывшими при нихъ Офицерами. Вездѣ Французамъ неудача!

Французскій Офицеръ Колло.

Съ 6 го на 7 е число Ноября мѣсяца 1812 года, одинъ изъ Россійскихъ Лейбъ-Гусаровъ, потерявъ дорогу, наѣхалъ нечаянно на колонну Французовъ. — Прежде всѣхъ встрѣтилъ его Офицеръ оной, который, узнавъ отъ Гусара, что корпусный его начальникъ былъ Генералъ-Лейтенантъ Раевскій, велѣлъ себя проводить къ нему немедленно. — Въ самую полночь являются они къ Генералу, который удивился чрезвычайно, узнавъ во Французскомъ Офицерѣ бывшаго у его брата камердинеромъ Француза Колло, женившагося на дворовой дѣвкѣ и потомъ уѣхавшаго во Францію. — Колло тотчасъ объявилъ, что пятитысячная колонна Маршала Нея готова сдаться, естьли имущества Французскихъ

солдатъ будутъ имъ сохранены. — Условіе сіе охотно было принято; сдѣланы нужныя къ тому распоряженія, и къ разсвѣту вся колонна съ Офицерами сдалась военноплѣнною. Похвально, естьли Колло оказалъ сію услугу Русскимъ не по необходимости, въ которой вся колонна находилась, но изъ благодарности, которую могъ онъ имѣть къ брату прежде бывшаго его Господина!

Король — Сребоплавильщикъ.

Во время быстраго отступательнаго движенія, или лучше сказать бѣгства Французовъ, Неаполитанскій Король, Мюратъ, будучи обремененъ множествомъ экипажей, кои по недостатку лошадей, подвергались великой опасности при мѣстечкѣ Бобрѣ, заблагоразсудилъ оные облегчить. — Остановясь на квартирѣ, изволилъ Его Величество самъ заниматься цѣлыя сутки выжиганіемъ золота и серебра изъ разныхъ вещей, въ числѣ коихъ были и церковныя ризы. Вотъ до какихъ временъ дожили мы! и Короли сдѣлались рудоплавильщиками! или вотъ какіе Короли! Они и сами не презираютъ быть кузнецами.

Хитрость Англичанина и легкомысліе Французовъ.

Одинъ Англичанинъ, живущій съ давняго времени въ Москвѣ, предъ угрожающею городу опасностію отъ наступающихъ Французовъ, не зналъ, какъ спасти свое имущество. Уже враги Россіи вторгнулись въ столи

цу. — Англичанинъ по довольномъ размышлении, вырылъ въ огородѣ глубокую яму, опустилъ въ оную свои сундуки и засыпалъ ихъ нѣсколько землею; потомъ оставя вверьху аршина на два порожняго мѣста, положилъ туда мертваго Французскаго солдата. — Французы, разсѣявшіеся вездѣ по домамъ и огородамъ на грабительство, вошли и на огородъ Англичанина, съ великою жадностію всего и вездѣ искали, и замѣтивъ взрушенную землю, заключили, что тамъ что нибудь зарыто — начали немедленно отрывать, и вырыли мертваго своего товарища. — Это поразило ихъ чрезвычайно; они оставили свою работу, будучи увѣрены, что въ ямѣ ничего болѣе, кромѣ мертвыхъ тѣлъ, не находится. — Такимъ образомъ разсудительность Англичанина спасла ему все его имѣніе отъ вѣтренности и жадности Французовъ!

Большая Французская армія.

Когда небольшіе остатки Французской арміи, 28 Января 1813 сего года проходили через Берлинъ; то мальчишки, игравшіе на улицахъ, увидя Французовъ въ оборванныхъ платьяхъ, въ разнородномъ одѣяніи и въ совершенныхъ лохмотьяхъ, и насилу движущихся, кричали, бѣгая за ними по улицамъ: посторонитесь, посторонитесь! большая армія идетъ! Нѣкоторые же мальчики, подходя къ коннымъ солдатамъ, идущимъ пѣшкомъ безъ лошадей, предлагали имъ на смѣхъ свои услуги, спрашивая: не прикажите ли подержать лошадку? Такъ все подвержено перемѣнѣ на свѣтѣ!

Расходы Франціи.

Г. Дивернуа писалъ много о внѣшнихъ доходахъ, составляющихъ важную часть ежегоднаго росписанія Французскихъ финансовъ. -- Каждая кампанія доставляла важныя суммы, подходившія подъ сію статью; одна только кампанія 1812 года составляетъ изключеніе. -- Сочиняя книгу подъ заглавіемъ: Послѣдствія сей войны для Финансовъ, не должно бъ было трудиться столько, сколько Г. Дивернуа. — Можнобъ было и скоро, и кратко, и ясно написать сочиненіе подъ названіемъ: *Великіе расходы* Франціи, какъ то: 300,000 *человѣкъ убитыхъ*, 100,000 *умершихъ или попавшихся въ плѣнъ*, *около* 1,000 *потерянныхъ пушекъ и до* 100,000 *кавалерійскихъ и артиллерійскихъ лошадей.* — Сверхъ того: *утрата воинской славы того, который назывался первымъ полководцемъ своего времени, и уничтоженное довѣріе солдатъ въ его непобѣдимости.* Чрезвычайные расходы!

Сострадание Маршала Нея.

Послѣ сраженія, произходившаго при деревнѣ Бородинѣ, Маршалъ Ней жаловался одному Русскому Парламентеру болѣе всего на то, что Французы нигдѣ въ Россіи не находятъ законныхъ властей, Юстиціи и Полиціи. — „Бѣдный народъ, присовокупилъ онъ, не имѣя никакой защиты, подверженъ всѣмъ прихотямъ необузданнаго воинства: это неслыханно и безчеловѣчно! — Парламентеръ сказалъ ему на сіе: „не беззащитность наро-

да Россіи, а то раздражаетъ васъ, что вы не нашли въ Россіи помощниковъ, для устроенія, управленія и требованія, подобно, какъ вы имѣли ихъ въ Берлинѣ, Саксоніи, Ганноверѣ и проч. и посредствомъ ихъ обуздывали народъ и вынуждали у него послѣднее имущество. — Надобно признаться, что народъ Русской не похожъ ни на какихъ другихъ. — Оставьте его въ покоѣ, а то и вы сами не будете имѣть отъ него покоя." — „Мы увидимъ, подхватилъ съ гнѣвомъ Маршалъ" — и Парламентеръ отправился! —

Обманутая надежда Наполеона.

Наполеонъ, предувѣренный льстецами и недальновидными людьми, что въ Москвѣ будетъ онъ принятъ всѣми вообще съ радостію и рукоплесканіями, имѣлъ твердую надежду, что жители оной всѣхъ состояній встрѣтятъ его со всею пышностію и великолѣпіемъ. Но со всѣмъ вышло противное ожиданію его: при вступленіи Наполеона въ Москву, едва ли находилось въ оной десять тысячь жителей изъ всего населенія, простиравшагося отъ четырехъ сотъ пятидесяти тысячь до пяти сотъ тысячь, и то все сторожа да дворники; всѣ сокровища и запасы были увезены заблаговременно. — Никакія судилища, никакіе Полицейскіе чиновники не помогали ему разводить солдатъ по квартирамъ, требовать поставокъ, управлять надзирать, подслушивать, доносить, терзать и обременять оковами наше Отечество.— Онъ не успѣлъ лжами своими обольстить

ни одного Россіянина. — Приведенный симъ въ бѣшенство, приказалъ онъ зажечь Москву, чтобъ восхищаться ея разрушеніемъ, взирая на пламя и опустошеніе ея съ древняго и почтеннаго Кремля — жилища Царей нашихъ; какъ Тиранъ древности, окруживъ себя Мамелюками, и занявъ пушками всѣ входы въ сію часть города. — Злодѣй, омывающій руки свои въ крови человѣческой трепещетъ собственной своей тѣни!!!

Голодная армія Наполеона.

Плѣнные Французы сами описывали ужасными чертами бѣдственное свое положеніе въ Россіи. Съ начала вступленія ихъ въ Россійскія границы, хотя имѣли они недостатокъ въ продовольствіи, но съ тою разницею, что иногда имъ было хуже, а иногда лучше. Но съ конца Іюля мѣсяца во всемъ оказалось въ арміи Наполеоновой крайняя нужда, а въ теченіи Августа вся почти армія находилась въ отчаяніи, видя, что по мѣрѣ ея шествія во внутрь Россіи, недостатокъ во всемъ увеличивался. Для успокоенія оной и прекращенія всякихъ слѣдствій, Наполеонъ публиковалъ ежедневно прокламаціи, въ которыхъ онъ обѣщалъ, что въ Москвѣ будетъ Французамъ и всѣмъ его войскамъ величайшее во всемъ изобиліе. Сіе было причиною отчаяннаго и бѣшеннаго ихъ нападенія на Русскихъ 26 го Августа 1812 года при Бородинѣ. Но тщетно! Вся армія принуждена была питаться лошадинымъ мясомъ. — Однажды привели въ Русской лагерь нѣсколько че-

ловѣкъ плѣнныхъ Французовъ, которые, увидѣвъ издохшаго за нѣсколько дней до того лежащаго быка, бросились на него съ неукротимою жадностію; разорвали его на части, и глотали мясо цѣликомъ; другіе изъ нихъ ѣли тряпье, къ которому пристала мука. Вотъ достойная награда великимъ послѣдователямъ великаго Наполеона!!!

Пословица перемѣнилась.

Очевидцы разсказываютъ, что Французы, находясь въ Москвѣ, ежедневно ходили на охоту — стрѣлять воронъ, и не могли нахвалиться своимъ вороньимъ супомъ: (Soupe aux corbeaux:) — Теперь можно дать отставку старинной Русской пословицѣ: „*попалъ какъ куръ во щи*,“ лучше говорить: „*попалъ, какъ ворона во Французской супъ!*“

Французы больше побѣждаютъ на словахъ, нежели на дѣлѣ.

Въ 25мъ номерѣ Французскихъ бюллетеней описано сраженіе, происходившее при рѣкѣ Чернишней 6го Октября слѣдующимъ образомъ: „У непріятеля появляется множество Козаковъ, которые безпокоятъ нашу армію, а особливо конницу. Авангардъ кавалеріи, расположенный предъ Ванковымъ (Вороновымъ) атакованъ былъ въ расплохъ толпою сихъ Козаковъ, которые явились въ станѣ прежде, нежели наши успѣли сѣсть на лошадей, захватили обозъ Генерала Себастіани, состоявшій изо ста повозокъ, и взяли

около сотни человѣкъ въ плѣнъ. Неаполитанскій Король сѣлъ на лошадь съ кирасирами и карабинерами, и примѣтивъ непріятельскую колонну легкой пѣхоты, состоящую изъ четырехъ батальоновъ, посланную для подкрѣпленія Козаковъ, *ударилъ на нее, разбилъ и изрубилъ на части!!!* Генералъ Дези, Адъютантъ Короля, храбрый Офицеръ убитъ въ сей *сшибкѣ*, приносящей честь карабинерамъ". — Добрая сшибка! — Въ ней пятидесятитысячной Французскій корпусъ обращенъ былъ въ бѣгство, потерявъ убитыми 2500, плѣнными 1500, орудій 38, 1. штандартъ и весь обозъ! Надобно признаться, что Французы стали побѣждать болѣе на словахъ, нежели на дѣлѣ.

Вотъ каковы Французы!

Послѣ сраженія, происходившаго при Маломъ-Ярославцѣ, Наполеонъ извѣщалъ Французской народъ, „что сраженіе сіе стоило Русскимъ отъ пяти до шести тысячь человѣкъ; что послѣ другаго блистательнѣйшаго кавалерійскаго дѣла, въ которомъ Русскіе были опрокинуты, войска Французскія овладѣли Калугою; что занятіе сего города весьма важно для Французской арміи; оно удаляетъ непріятеля, лишаетъ его подкрѣпленій, прикрываетъ флангъ большой арміи и снабжаетъ Французовъ хорошими зимними квартирами." Но всему Свѣту уже извѣстно, чего стоитъ Малоярославское сраженіе самимъ господамъ Французамъ. — Оно стоитъ бездѣлицы — всей ихъ арміи, которая не успѣла прорвать-

ся въ южныя губерніи Россіи, и отъ того вся почти погибла. Но то, что Французская армія овладѣла Калугою, справедливо столько, сколько ложно то, что Русскіе перешли Вислу.

Ошибка только въ мѣсяцѣ.

Французы, разсказывая о чудесныхъ подвигахъ своихъ войскъ, незабываютъ провозглашать и удивительныя дѣла принужденныхъ друзей своихъ. Они говорятъ, что 1 го числа Октября 1812 года Датскій купеческій флотъ, состоящій изо ста судовъ слишкомъ, вышелъ въ Бельтъ. — Къ нему приближились четыре *большие* Англійскіе военные корабля; въ тоже время вышли въ море четыре канонерскія лодки, и послѣ жестокаго сраженія, обратили Англійскіе корабли въ бѣгство. — Можетъ быть, ошибка только въ названіи мѣсяца: вмѣсто перваго Октября, надлежало бы поставить *перваго Апрѣля*!

Презрѣніе Французовъ къ своимъ союзникамъ.

Между Прусаками и Французами, во время принужденнаго ихъ союзничества, часто происходили ошибки. Одной таковой ошибки было причиною слѣдующее: Прусакъ, стоявшій на пикетѣ съ земляками своими и Французами въ Курляндіи, набралъ вязанку сухихъ дровъ, чтобъ около огня согрѣться на часахъ. Французской солдатъ вздумалъ отнять у него сіи дрова. Прусакъ не уступалъ. — „Что это значитъ? Я принадлежу къ великой на-

ціи; а ты, подлой Нѣмецъ (miserable allemand) не хочешь мнѣ уступить!“ закричалъ Французъ и ранилъ его въ ногу. Это раздражило товарищей Прусака. Они всѣ закричали: „храбрый Прусакъ не можетъ этого снести; поколотимъ Французовъ!“ Произошла сшибка, въ которой убиты семь Французовъ и три Прусака. Съ великимъ трудомъ розняли ихъ.

Почему Наполеонъ скоро возвратился изъ Россіи?

По занятіи Французами Москвы, Наполеонъ и Маршалы его письменно увѣряли своихъ пріятелей, находящихся въ Парижѣ, что они будутъ зимовать въ Москвѣ. — Но послѣ неудачь, которыя они потерпѣли отъ храбрыхъ Россіянъ, принуждены они были перемѣнить содержаніе своихъ писемъ. Въ одномъ изъ перехваченныхъ писемъ Наполеонъ писалъ къ своей супругѣ слѣдующее: “ Климатъ Россіи не благопріятствуетъ моему здоровью, и потому перемѣняю мой планъ и возвращаюсь въ Парижъ.“ — Къ стати могъ бы онъ присовокупить: что жители Россіи еще менѣе ему благопріятствуютъ, и что они пребезпокойные товарищи въ дорогѣ!!!

Французскіе скоморохи.

Когда дошло до свѣденія Французовъ, что находящіеся въ Россіи Французскіе актеры при Санктпетербургскомъ и Московскомъ театрахъ уволнены отъ службы; то

они вмѣстѣ съ неблагонамѣренными своими приверженцами начали говорить: жаль! что такая великая нація, какъ Россійская, впадаетъ въ варварство!“ Какъ можно быть просвѣщеннымъ, не имѣя у себя Французскихъ скомороховъ!“

Образъ мыслей Французскаго Генерала о своихъ соотечественникахъ.

Случилось однажды, что нѣкто изъ Русскихъ, разговаривая съ плѣннымъ Французскимъ Генераломъ, изъявилъ свое удивленіе, какъ могли Французы, коихъ недавно еще признавали просвѣщеннѣйшимъ народомъ въ свѣтѣ, дойти до такого неимовѣрнаго распутства и безчеловѣчія, что не имѣютъ ни малѣйшаго уваженія даже и къ неприкосновенной святынѣ храмовъ Божіихъ. Генералъ закраснѣвшись, отвѣтствовалъ: „ вы напрасно удивляетесь; всякаго Магометанина, въ величайшемъ бѣшенствѣ устремленнаго на все ему встрѣчающееся, навѣрно могли бы вы удержать отъ таковыхъ неистовыхъ поступковъ, сказавъ ему: *остановись! здѣсь храмъ Божій, здѣсь то же что у васъ мечеть!* — Отъ Наполеоновыхъ солдатъ сего не ожидайте потому, что они не имѣютъ понятія ни о святынѣ, ни о храмѣ Божіемъ; въ нихъ нѣтъ ни вѣры, ни совѣсти; они такъ воспитаны!“

Нельзя управлять образомъ народныхъ мыслей.

По распространеніи въ Германіи извѣстій объ изгнаніи Французовъ изъ Москвы, начали жители оной питаться надеждою, что могущество Наполеона разрушится, погибнетъ. Вѣнскіе жители, узнавъ, что онъ разбитъ и выгнанъ изъ Смоленска, добровольно иллюминовали всѣ домы свои. — Французскій Посолъ, находящійся при Вѣнскомъ Дворѣ жаловался на сіе Правительству; но онъ получилъ въ отвѣтъ, что *образомъ народныхъ мыслей управлять не можно.* — Есть надежда, что Французскіе Посланники въ Германіи, (есть ли не возвратятся скоро во свояси) часто будутъ приносить подобныя жалобы!!!

Пробужденіе Прусскихъ Крестьянъ.

Прусскіе Крестьяне съ перешедшими черезъ Нѣменъ въ весьма маломъ числѣ Французами также поступаютъ, какъ наши Русскіе Герои-мужички поступали съ Французскими мародерами и фуражирами. — Думаютъ, что тому болѣе подалъ причину безпорядокъ, въ какомъ Французы разбрелись по Прусскимъ деревнямъ; ибо отъ неутомимаго преслѣдованія ихъ нашими войсками, сопровожденнаго голодомъ и холодомъ, не льзя было имъ сохранить въ своемъ отступленіи никакой *методы*, что конечно могло бы ихъ спасти отъ нападенія крестьянъ, которые не такъ боятся угнѣтенія, какъ без-

порядка: — это конечно означаетъ большое ихъ просвѣщеніе.

Французскіе бюллетени на сей разъ не солгали.

Во всѣхъ почти номерахъ Французскихъ бюллетеней, кои обыкновенно наполнены бываютъ высокопарными разглашеніями разнаго рода лжей, всегда помѣщаема была статья о магазинахъ съ продовольствіемъ для Французской арміи, находящейся въ Россіи. Извѣщаемо было, что въ Минскѣ, Гроднѣ и Вильнѣ магазины изобилуютъ всякими припасами, коихъ достаточно будетъ для снабженія Французскихъ войскъ на всю зиму. — Донесенія Русскихъ Генераловъ, взявшихъ сіи города и магазины, отдаютъ Французскимъ бюллетенямъ справедливость, что онѣ *на этотъ разъ* не солгали.

Русскіе шутки.

О бѣгствѣ Наполеона изъ Москвы въ Смоленскъ Французскіе бюллетени увѣдомляютъ: „при благопріятномъ времени года марши сіи происходятъ безъ *серіозныхъ* нападеній со стороны Русскихъ.„ — И такъ шуточныя нападенія Русскихъ стоили Французамъ около 200 пушекъ, и до 70 тысячъ солдатъ? — Видно, что Русскіе — народъ грубой и необразованной! По ту сторону Смоленска они *подшутили еще надъ Наполеономъ неучтивѣе!* Заставили его бѣжать безъ всякой свойственной ему пышности въ смиренномъ видѣ!

Чтожъ было бы, естьлибъ они, оставивъ шутки, принялись за дѣло серiозно!!!

Обратный походъ Французовъ чрезъ Вильну.

Бѣдствiя, отягощавшiя Французскую армiю во время бѣгства ея изъ Россiи, увеличивались въ ужасной прогрессiи, и наконецъ достигли до такой степени, что Русскiе, кипящiе праведнымъ мщенiемъ, стали сожалѣть о сихъ злодѣяхъ и удивляться строгости, съ какою Небо наказуетъ всѣ ихъ преступленiя.— Безъ пушекъ, безъ конницы и почти безъ ружей, армiя сiя походила на толпу бродягъ, которые спасаются бѣгствомъ и не разбрелись въ разныя стороны только потому, что опасалися погони.— Наполеонъ, желая показать жителямъ Вильны, нѣсколько войска, заслуживающаго ихъ довѣренность, повелъ чрезъ сей городъ свою гвардiю; но и сiи отборныя войска были не лучше прочей части армiи. Покрытые рубищемъ солдаты представляли самое странное зрѣлище: для защиты отъ холода надѣли они на себя все, что могли найти: женскiя юпки всѣхъ цвѣтовъ, рогожи, платки, шнуры и т. п. Вмѣсто шапокъ, были у нихъ на головахъ мундиры и пр. Почти всѣ были безъ башмаковъ, и шли, обвернувъ ноги сукномъ, старыми шляпами, кожею и пр. У одного отморозило носъ, у другаго оба уха, у третьяго руку и т. д. Двѣ трети ихъ бросили ружья и шли, какъ простые путешественники. Нѣсколько батальоновъ, составленныхъ изъ Нѣмецкихъ войскъ, пытались

защищать предмѣстіе Вильны, со стороны Минской дороги; но тотчас увлечены были въ общее бѣгство. Для довершенія странности пристыженіемъ, Виленская чернь и Евреи, бросясь преслѣдовать бѣгущихъ, умертвили и забрали ихъ великое число. — Когда раздались клики, что на возвышеніяхъ близъ города появились Козаки, тогда самъ Бертье собралъ съ трудомъ около шестидесяти гренадировъ, и увѣщевалъ ихъ противостать непріятелю. Сей человѣкъ, въ теченіе многихъ лѣтъ занимавшійся командою надъ войсками, приводившими въ трепетъ Европу, отправлялъ здѣсь должность Подпоручика, и его даже не хотѣли слушаться. Наполеонъ оставилъ Вильну въ сопровожденіи 15 Польскихъ Уланъ, вооруженныхъ копьями, и 14 солдатъ Неаполитанской гвардіи. Бѣгство его скрываемо было отъ Французской гвардіи, которая узнала о семъ не прежде выхода своего изъ Вильны. Экипажи Наполеона сожжены въ семъ городѣ, а магазины достались Русскимъ въ цѣлости. Безконечныя проклятія послѣдовали за сею арміею, наказанною правосуднымъ Провидѣніемъ. Оно опредѣлило погубить всю злодѣйскую силу недостаткомъ, усталостію и холодомъ и превратило всю полосу земли отъ Москвы до Варшавы въ ужасное позорище ихъ стыда и истребленія. Что же спасло отъ сожженія городъ Вильну? Стремительное бѣгство, въ которое ударились Французы отъ ужаса при наступленіи Русскихъ.

Лжетъ, какъ Французскіе бюллетени.

Въ Англіи вошло въ обыкновеніе говорить: „*онъ лжетъ, какъ Французскіе бюллетени.*„ Поступки Французовъ въ продолженіе нынѣшней кампаніи оправдали сію пословицу, какъ болѣе не надобно. Въ одномъ номерѣ бюллетеней своихъ увѣряли они, что Графъ Витгенштейнъ, за болѣзнію и съ досады, что не успѣлъ въ нападеніи на Полоцкъ, еще въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1812 года вышелъ въ отставку; а 23 го Ноября объявлено посредствомъ оныхъ, что Наполеонъ 16 го числа того же мѣсяца на голову разбовъ сего непобѣдимаго Героя, взялъ его въ плѣнъ. Можно ли лгать безсовѣстнѣе!

Жестокосердіе Наполеона.

Во время пребыванія Французовъ въ Москвѣ, Наполеонъ былъ чрезвычайно разстроенъ, смущенъ и задумчивъ. — Онъ вздумалъ 11 го Сентября выѣхать изъ Кремля, дабы осмотрѣть разоренную, разграбленную и сожженную Москву. Въ выѣздѣ семъ сопровождали его два Камеръ-Пажа, весь Генералитетъ, придворные чины и цѣлый эскадронъ шассеровъ и Польскихъ Уланъ. —

Въ проѣздъ его по улицамъ, многіе изъ жителей Московскихъ, испившихъ всю чашу бѣдствій отъ нашествія на нихъ иноплеменниковъ, увидѣвъ издали многочисленную свиту, убѣгали прочь; другіе, бывъ посмѣлѣе, отваживались украдкою выглядывать изъ - за обвалившихся стѣнъ. Напо-

слѣдовъ въ одномъ переулкѣ близь охотнаго ряду, одѣтая въ лохмотье толпа мѣщанъ и крестьянъ, человѣкъ до 40, на коихъ отъ страха, отъ голода и отъ холода едва подобіе человѣческое оставалось, выждавъ, пока оная свита приближилась къ переулку, падаютъ среди грязи на колѣна, простираютъ къ иноплеменному Государю свои руки, вопіютъ къ нему о претерпѣнномъ ими грабежѣ и всеконечномъ разореніи, просятъ у него пощады и насущнаго хлѣба!

Но сей жестокій человѣкъ, поворотилъ отъ нихъ лошадь свою въ право и не удостоилъ нещастныхъ сихъ даже своего взгляда, а только приказалъ Статсъ-Секретарю своему Лорану узнать, о чемъ они просятъ?

Какое человѣческое сердце не обольется кровію при видѣ нещастнаго положенія подобныхъ жертвъ неслыханнаго варварства! И можно ли Наполеона, при всемъ его человѣческомъ образѣ, назвать человѣкомъ, послѣ того опыта жестокаго безчеловѣчія, которой онъ явилъ къ подобнымъ себѣ человѣкамъ? И вы, Французы, чтите въ лицѣ Наполеоновомъ своего Государя, который долженъ быть милосерднѣйшимъ отцемъ не только своихъ подданыхъ, но всѣхъ вообще народовъ, коихъ непостижимая судьба подвергаетъ его скипетру?

Удачная поставка.

Упоенный мечтою вольности народъ Французскій думалъ, что Русскіе крестьяне, а особливо Помѣщичьи, при нашествіи Фран-

цузскихъ войскъ на Россію, возьимѣвъ случай быть независимыми, свергнуть съ себя иго подданства Помѣщикамъ, и примутъ сихъ пришельцовъ, какъ своихъ избавителей; и хотя еще за долго до вшествія въ Москву, непріятели удостовѣрены были въ противномъ, видѣвъ на опытѣ, сколь Русской народъ твердъ въ вѣрности своей къ законному Государю, и въ преданности къ своимъ Владѣльцамъ: однакожъ при оной необходимости, при совершенномъ недостаткѣ хлѣба, мечтали коварными своими обольщеніями склонить нашихъ поселянъ по крайней мѣрѣ на то, что они повезутъ въ Москву на продажу свои продукты. Въ семъ чаяніи *голодный* Наполеонъ изданною особою прокламацею къ нашимъ поселянамъ, приглашаетъ ихъ ѣхать въ Москву съ продуктами, обѣщая имъ въ свободной продажѣ оныхъ всякое покровительство и защиту, и предоставляя право везти ихъ назадъ, буде кто не продастъ. На какой конецъ учрежденъ былъ въ Москвѣ особой порядокъ городоваго устройства; назначены были торговые дни и площади, хотя онѣ всегда были пусты.

Между тѣмъ Генералъ Лесепсъ приглашаетъ желающихъ, ѣхать въ дальнія деревни покупать хлѣбъ на деньги, обѣщая имъ за сію услугу большія милости. Но когда ни изъ Подмосковныхъ поселянъ никто въ Москву ни съ какими продуктами не явился, ни желающихъ на покупку хлѣба никого не было; тогда Лесепсъ, съ дозволенія, а можетъ быть, и по повелѣнію Наполеона посулилъ впередъ выдавать половинное количество де-

негъ, кто пожелаетъ принять на себя такой подрядъ, а тѣмъ, которые оставятъ въ залогъ семейство свое, и всю сумму, на какую возьмутся сдѣлать поставку.

Нѣкто изъ Московскихъ жителей, занимавшійся долгое время такого рода поставками, и довольно искусившійся въ изворотахъ, употребляемыхъ при подобныхъ обстоятельствахъ, вызвался сдѣлать самую значущую поставку хлѣба съ отдачею въ залогъ жены и двухъ дѣтей своихъ.— Французы были восхищены симъ случаемъ въ томъ предположеніи, что сему примѣру найдется много послѣдователей; а что бы болѣе показать своего великодушія и тѣмъ самымъ заохотить жителей Москвы къ исполненію порученій Французскаго начальства, не только выдали они своему поставщику напередъ сполна всѣ слѣдующіе ему деньги; но и самое семейство его оставили въ собственномъ его домѣ, приставивъ къ оному одного только жандарма. Поставщикъ и въ труднѣйшихъ обстоятельствахъ надѣялся раздѣлаться легко съ Французами, а въ семъ случаѣ ничего ему нестоило.— Собираясь въ дорогу, непреминулъ онъ угостить приставленнаго къ дому его стража, а угостивши голоднаго Француза, не трудно ему было склонить его позволить семейству проводить его хотя за заставу подъ его надзоромъ. Все удалось, какъ хотѣлось. — Лишь только поставщикъ выѣхалъ за городъ съ своимъ семействомъ и Французомъ, хватилъ онъ своего провожатаго, выхватя изъ-за пазухи ножъ, такъ плотно по горлу, что въ одинъ

мигъ отъ него освободился, и поспѣшно уѣхалъ по Ярославской дорогѣ съ семействомъ. Всякъ догадается, что онъ въ Москву уже не возвращался.

Приношеніе Черкессовъ.

Французскій ГенералъКолинкуръ, будучи Посланникомъ въ Россіи, во время пребыванія своего въ Санктпетербургѣ, предлагалъ 12,000 червонныхъ тому, кто бы взялся ему доставить для Государя его 40 Черкесскихъ верховыхъ лошадей; но не могъ онъ получить ихъ и за сію цѣну.

Черкессы, услышавъ о пораженіи Французовъ Россійскими арміями, вызвались добровольно дать Всероссійскому Императору 30,000 сихъ лошадей, извѣстныхъ въ цѣломъ свѣтѣ по своей крѣпости, силѣ и проворству. Изъ сего заключить можно о расположеніи народовъ къ Государю законному — Отцу своихъ подданныхъ и къ престолопохитителю, Деспоту и Тирану своихъ Васалловъ. . . —

Предпріимчивость учителя.

Въ Мельсбургѣ (одной деревнѣ близь Букстегуде по ту сторону Эльбы) Французскій Коммисаръ — Ордонатёръ, свойкъ умершаго отъ ранъ Французскаго Генерала Морана, вымучивъ у народа разными безчеловѣчными способами 800 таллеровъ контрибуціи, хотѣлъ уже вмѣстѣ съ десятью Французами и съ своимъ секретаремъ отправиться

ся въ свой путь. Но одинъ учитель, собравъ нѣкоторое количество поселянъ и всѣхъ учениковъ своихъ, ударилъ съ помощію ихъ на злодѣевъ — Французовъ, обезоружилъ ихъ и забралъ всѣхъ въ плѣнъ. Онъ, начитавшись о славныхъ подвигахъ всѣхъ сословій Россійскаго народа, во время нахожденія Французовъ въ Россіи, не только самъ умѣлъ послѣдовать примѣрамъ ихъ, но даже могъ и другихъ склонить быть подражателями Русскихъ въ предпріимчивости, неустрашимости и храбрости.

Когда учитель сей привелъ своихъ плѣнниковъ прямо въ Гамбургъ къ Генералу Теттенборну; тогда Теттенборнъ за сей подвигъ тотчасъ надѣлъ на него самъ Офицерскій шарфъ; сдѣлалъ его Капитаномъ надъ Мельсбургскими поселянами и подарилъ ему весь Коммиссарскій экипажъ. Онъ поручилъ ему равнымъ образомъ раздать контрибуцію между тамошними жителями, у коихъ она была исторгнута. Такъ Русскіе всегда будутъ достойные удивленія и подражанія!

Козакъ въ плѣну у Французовъ.

Когда Вице-Король Италіянскій, собравъ до 25 тысячь Французскаго войска, рѣшился дойти до Берлина, и по дорогѣ къ оному, производилъ въ окрестностяхъ Магдебурга грабительства и опустошенія, — Графъ Витгенштеинъ атаковалъ его стремительно, разбилъ, множество взялъ въ плѣнъ, а остатки разсѣялъ. Сраженіе сіе столь было удачно для Русскихъ, что нѣсколько сотъ было толь-

но раненыхъ, убитыхъ весьма не много, а въ плѣнъ взятъ былъ только одинъ Козакъ, да и тотъ самъ себя освободилъ съ немалою для себя пользою.

Донецъ, во время происходившаго сраженія, усмотрѣлъ, что на лошади его, отъ безпрестаннаго, сильнаго рыспанія, испортилась збруя: онъ принужденъ былъ удалиться съ поля битвы въ кустарники, дабы исправить испорченное на лошади. — Французы, замѣтивъ сіе, бросились на то мѣсто, гдѣ Козакъ всталъ съ лошади и захвативъ его, отвели въ плѣнъ вмѣстѣ съ лошадью. — Надобно замѣтить, что Козакъ нимало не тревожился; ибо онъ не сомнѣвался скоро возвратить себѣ свободу. — По окончаніи сраженія, на коемъ Французы совершенно бывъ разбиты, въ такое приведены были замѣшательство, что никакого почти не обращали вниманія на своего плѣнника, — ввечеру часовъ въ 8 Козакъ примѣтя, что одинъ непріятельскій Штаб-Офицеръ всталъ съ своей лошади и отдавъ ее въ руки своему деньщику, самъ скрылся неизвѣстно куда и зачѣмъ. — Подошедъ въ потьмахъ не примѣтнымъ образомъ къ деньщику, ударилъ его столь сильно промежъ уха, что деньщикъ упалъ на землю безъ памяти, а между тѣмъ Козакъ схватясь на лошадь, пришпорилъ ее своими ногами и въ полчаса очутился въ Россійской арміи, гдѣ разсказавъ все случившееся, принятъ былъ съ похвалами и восклицаніями; ибо его считали уже уведеннымъ Французами безъ возврату.

Сострадание Тунгуса.

Въ то время, когда въ одномъ концѣ обширнаго Россійскаго Государства, ежедневно совершаютъ Россіяне подвиги неустрашимости, отважности и готовности на защиту своего Отечества отъ нашествія иноплеменныхъ варваровъ, въ другомъ отдаленнѣйшемъ концѣ Россіи, народъ, населяющій ее, отличается чертами великодушія, человѣколюбія и сострадания.

Охотская область, судя по ея пространству, весьма мало населена. Самую большую часть ея жителей составляютъ Тунгусы, Якуты и другіе иновѣрческіе народы, которые вмѣсто денежной подати, платятъ такъ называемый ясакъ, звѣриными шкурами. Для сбора онаго въ послѣднихъ числахъ Ноября прошлаго 1809 года, отправлены были изъ Охотска чиновники къ Яшской крѣпости. Поелику же отъ *Инской* деревни до *Тауйскаго* форпоста, на разстояніи 350 верстъ, находятся однѣ только пустыя мѣста, поросшія мѣлкимъ кустарникомъ; то ѣхавъ сими мѣстами по время большой стужи, простиравшейся до 32 градусовъ, на четырехъ запряженныхъ собаками нартахъ, они сверхъ чаянія слишкомъ много промедлили въ пути, по причинѣ глубокихъ снѣговъ и безпрестанныхъ метелей; а отъ сего промедленія оказался у нихъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и въ кормѣ для собакъ. Одинъ изъ чиновниковъ и двое ямщиковъ занемогли; собаки отъ двухъ нартъ перемерли, а достальныя съ голоду

обезсилѣли. Другой чиновникъ и съ нимъ ямщикъ, которые, по крѣпкому сложенію, менее прочихъ ослабѣли, видя крайность положенія своего, рѣшились къ спасенію себя и своихъ спутниковъ прокладывать путь по глубокому рыхлому снѣгу на лыжахъ; нарты же съ больными и съ экипажемъ слѣдовали за ними позади. Таковое ихъ путешествіе продолжалось 18 дней. Во все сіе время роздыхи и ночлеги имѣли они на открытомъ воздухѣ: вырывъ въ снѣгу яму, разводили въ оной огонь, и ложась, обкладывали себя собаками.

Въ продолженіи сего одинъ изъ ямщиковъ умеръ, а прочіе томились отъ изнеможенія и голода, страшное отчаяніе овладѣло ими, и они съ ужасомъ ожидали приближенія неминуемой смерти. Въ одинъ изъ сихъ дней горести и мученія они, сидя у огня, замѣтили, что собаки, поднявъ головы въ одну сторону, какъ будто что обнюхивали, и потомъ начали лаять. По поводу сего нещастные путешественники устремились въ ту сторону, и примѣтили вдали что-то чернѣющееся и движущееся. Съ перваго взгляда заключили они, что это былъ медвѣдь, и тотчасъ зарядивъ ружья, приготовились по немъ стрѣлять; но послѣ того разсмотрѣвъ внимательнѣе, узнали они ѣдущаго на оленѣ *Тунгуса*. Явленіе сіе привело ихъ въ радостный восторгъ. Всѣ даже самые слабые, рѣшились итти на встрѣчу *Тунгусу*, который однакожъ, по свойственной симъ народамъ робости, при видѣ столь большаго числа людей, хотѣлъ было отъ нихъ удалиться; но слыша жалостныя ихъ восклицанія, осмѣлился

напослѣдокъ къ нимъ приближиться. Какъ скоро узналъ онъ о крайности ихъ положенія; то не распространяясь въ разговорахъ, закололь тотчасъ своего оленя въ пищу симъ странникамъ, и потомъ взялъ лыжи, удалился въ горы къ родовичамъ своимъ, которые кочевали тогда въ 60 верстахъ отъ сего мѣста, въ сторонѣ отъ дороги.

На третій день *Тунгусъ* явился опять къ нещастнымъ на вьючныхъ оленяхъ съ разными съѣстными припасами, и такимъ образомъ спасъ ихъ отъ предстоявшей имъ смерти.— Вотъ еще новое доказательство, что чувство сострадавія и благотворенія свойственно также и дикимъ народамъ!

Наполеонъ ли зажигатель Москвы?

Кто изъ Русскихъ, любящихъ свое Отечество, не содрогнется при воспоминаніи о злодѣйствахъ, произведенныхъ Французами въ Москвѣ? Съ самаго вступленія ихъ въ Столицу начались пожары и деньото дня были распространяемы по всему городу Французскими зажигателями, которые бросали во всѣ домы и церкви горючіе составы, въ низкія мѣста изъ рукъ, а въ высокія изъ пистолетовъ. Вмѣстѣ съ пожарами начались грабежи, смертоубійства, всякія жестокости, всякія поруганія, свойственныя Наполеоновымъ скопищамъ, не внемлющимъ ни гласу совѣсти, ни воплямъ злощастныхъ жертвъ лютаго ихъ неистовства! Грабежи продолжались до того времени, пока у бѣдныхъ

страдальцевъ не осталось ни одежды, ни пищи, ни угла, гдѣ преклонить голову.

Весь городъ обьятъ былъ пламенемъ: горѣли священные храмы и великолѣпные дворцы. Отцы и матери кидались въ огонь для спасенія дѣтей, и вмѣстѣ съ ними погибали. Все было жертвою пожирающаго пламени: даже мосты и суда противъ Воспитательнаго дома были въ огнѣ. Сей домъ равномѣрно подверженъ былъ крайней опасности, озаренный со всѣхъ сторонъ пожарами. Всѣ окрестныя строенія быстро истребились огнемъ. Дулъ сильный вѣтръ и разносилъ искры по всѣмъ дворамъ, уставленнымъ дровами. Къ отвращенію сей опасности разставлены были по дворамъ воспитанники и ихъ приставники, съ шайками и вѣниками, что бы гасить искры, сыпавшіяся отовсюду, какъ дождъ. Во многихъ мѣстахъ дома и окружнаго строенія загорѣлись оконныя рамы и косяки. Усердный блюститель обители невинныхъ младенцевъ, *Генералъ Иванъ Акинфіевичъ Тутолминъ*, бодрствуя нѣсколько ночей сряду, бросался во всѣ стороны, для спасенія сего дома, употребляя при томъ свои пожарныя трубы, разламывая съ подчиненными своими сосѣдственные заборы, раскидывая строенія и заливал загорѣвшіяся мѣста.

Сугубые ужасы возмущали душу начальника Воспитательнаго дома; извнѣ видѣлъ онъ пламень и разрушеніе; внутри дома слышалъ онъ стонъ и плачь младенцевъ и приставницъ. То устремлялся онъ туда, гдѣ угрожалъ пожаръ, то обращался къ утѣшенію дѣтей. Въ одну бѣдственнѣйшую ночь

всѣ дѣти изъ отдѣленій своихъ выведены были на дворъ. Неусыпнымъ бодрствованіемъ и дѣятельностію Генерала *Тутолмина* хотя спасенъ ввѣренный попеченію его домъ со всѣми дѣтьми, служащими, съ ихъ семействами и пришельцами; однакожъ не возможно было спасти аптеки со всѣмъ строеніемъ и лѣкарствами; ибо когда *Тутолминъ* съ подчиненными своими, съ помощію пожарныхъ трубъ, старался гасить огонь, тогда Французскіе зажигатели съ другихъ сторонъ вновь поджигали. Наконецъ нѣкоторые изъ оставшихся въ домѣ жандармовъ, сжалясь надъ тщетными трудами погасителей, сказали Начальнику дома: " *оставьте! приказано жечь!* " Изъ сего весьма явственно открывается, сколь справедливо Наполеонъ обвиняетъ Русскихъ, что они сами сожгли Москву!!! Можно ли подумать, что не онъ ее выжегъ?

Раздумье Наполеона въ Жидовской бричкѣ.

Спѣша укрыться отъ грозныхъ Козаковъ, боясь оглянуться назадъ, окупавшись кое — какъ въ Жидовскую епанчу, заплатя изъ числа остальныхъ *наполіонодоровъ* большую часть за ободранную бричку и за почтовыхъ лошадей, *Наполеонъ Бонапарте* стремглавъ вскочивъ въ коляску, не могъ въ торопяхъ разсмотрѣть, гдѣ и какъ сидитъ. То и дѣло проситъ онъ извощика погонять лошадей, чтобы его не нагнали Козаки. Проѣхавъ уже нѣсколько верстъ, и какъ будтобы пробудясь отъ сна, *Наполеонъ*, протирая глаза, оглядывался около себя, ощупывалъ смѣшную

свою одежду, осматривалъ ветхую, измаранную бричку, и вдругъ мысленно началъ разговоръ съ самимъ собою:

„Я ли, я ли скачу въ разорванной бричкѣ отъ ничтожныхъ Козаковъ? Я ли подлинно *великій Наполеонъ*, Императоръ *великаго народа*, Король Италіи, покровитель Рейна, Одера, словомъ: *глава Политическая* цѣлой Европы? Я ли тотъ самый *Наполеонъ*, который за шесть мѣсяцовъ предъ симъ, перевелъ съ собою чрезъ *Неменъ* болѣе полумиліона войскъ, что бы овладѣть Россіей, и тогда быть владыкою вселенной? Я ли съ высоты блистательнаго престола, съ высоты восхитительныхъ надеждъ перешелъ — и куда же?. . . . .

„Не могу усумниться, что *я, не я*: но какая во всемъ перемѣна! Гдѣ шесть сотъ тысячь войска, составленнаго изъ двадцати народовъ? гдѣ несмѣтное число пушекъ! гдѣ многочисленная моя конница? гдѣ все то, что льстило меня надеждою всемірнаго обладанія? . . . И отъ чего же все изчезло? . . .“

Тутъ Наполеонъ невольно позадумался, тяжело вздохнулъ и продолжалъ:

„Болѣе десяти лѣтъ готовился я къ походу въ Россію; не только *нашествіе*, я хотѣлъ въ то же время учинить и *переселеніе*. Для *нашествія*, соединилъ я двадцать народовъ; для *переселенія*, подъ различными именами взялъ я болѣе десяти тысячь женщинъ. Ни одинъ *завоеватель*, ни одинъ *Политикъ* не соображалъ своихъ предпріятій съ такою дальновидностію; ближайшіе мои повѣренные посланы были въ Россію все развѣдать, все

высмотрѣть и приготовить умы къ принятію великаго *Наполеона*. Положась на ихъ наблюденія, я основательно могъ сказать: въ 1809 году въ Австріи были сраженія безъ войны, въ Россіи будетъ война безъ сраженій: въ Россіи нужно только разсыпать золото и передвигать войско (il ne faut que de l'or et des manoeuvres:). Наконецъ по благородной моей охотѣ къ убою человѣчества, я прибавилъ: въ Россію иду *на травлю людей:* (faire la chasse aux hommes:) Отъ чего же всѣ мои великія *Политическія и военныя предположенія*, какъ вѣтръ, развѣялись? Отъ чего же въ Россіи была *война и были сраженія?* Отъ чего ни посулы, ни золото мое не подѣйствовали? Отъ чего потерялъ я и награбленныя и привезенныя въ Россію сокровища? . . . О лишь прискачу въ Парижъ, тотчасъ сберу моихъ уповѣренныхъ, которымъ такъ дорого я платилъ за то, что бы они высмотрѣли всѣ тайны душъ и умовъ Русскихъ, — сберу ихъ на Парижскую площадь побѣдъ, и за мои неудачи, прикажу ихъ разстрѣлять. Они узнаютъ, какъ обманывать великаго изъ великихъ!"

Въ пылу гнѣва своего, Бонапарте чуть было не вскрикнулъ: Гренадиры! стрѣляйте; но опасаясь, чтобы извощикъ не узналъ *Наполеона бѣгущаго*, онъ закусилъ себѣ губы и продолжалъ раздумье свое тихомолкомъ.

„Не могу хорошо понять, чего мнѣ хотѣлось, и чего ожидалъ я отъ нашествія на Россію, или лучше сказать, на Москву? Признаюсь, что всѣ мои *Политическія и военныя соображенія* относились только къ занятію

Москвы. На яву и во снѣ мечталось мнѣ: *иду къ Москвѣ; буду въ Москвѣ, и взявъ Москву, возьму Россію:* Я мчался, я летѣлъ къ *Москвѣ;* и голова моя поминутно кружилась; я не могъ дождаться, когда дорвусь до *Москвы;* наконецъ безъ одного выстрѣла вошелъ въ Москву."

Глаза Наполеоновы засверкали отъ ярости; уста запѣнились; смуглое его лице еще болѣе почернѣло.

„И я къ послѣднему моему утѣшенію, не могу даже сказать: *въ Москвѣ послѣ меня остался одинъ пепелъ.* О судьба! ты и въ томъ мнѣ измѣнила! . . .

„Разсмотримъ однако, себя ли или судьбу долженъ я обвинить? Для чего по занятіи, по сожженіи, по разграбленіи Москвы, не выступилъ я черезъ пять или шесть дней? Но я не зналъ, гдѣ Русское войско. Цѣлая Европа читала въ моихъ извѣстіяхъ, что будто *все Русское войско пошло по Казанской дорогѣ для защищенія сокровищъ, отправленныхъ въ Казань.* Напротивъ того я увѣрился, что по Владимирской или Казанской дорогѣ, было только всего войска новосоставленныхъ двенадцать тысячь безъ пушекъ и безъ конницы. Отъ чего же я такъ грубо обманулся?

„Вслѣдъ за симъ извѣстіемъ, опять я ложно увѣдомилъ Европу, будто бы *Русскіе идутъ по Тульской дорогѣ для защищенія Оружейнаго завода.* И тутъ я ошибся непростительно. Я нарочно прорубалъ окошки на главѣ *Ивана Великаго,* что бы съ высоты его, и съ помощію зрительныхъ трубъ усмотрѣть гдѣ Русскіе. Наконецъ, нѣсколько дней сряду

искавъ ощупью главную Русскую армію, провѣдалъ *я*, что она заняла старую Калужскую дорогу. Но хотя бы и съ первой минуты узналъ, гдѣ войско Русское, и угадалъ бы цѣль полководца Русскаго; то все не могъ бы *я* выбраться изъ Москвы.“ Награнувъ на Россію со сволочью двадцати народовъ, въ Москвѣ сдѣлался *я* рабомъ своихъ рабовъ. Тутъ убѣдился *я*, что сбродъ народовъ не *войско*, и не *воины*. Удивительно, какимъ образомъ лютой опытъ опровергъ всю мою *дальновидную* политику, и всѣ разсужденія о наборѣ войскъ подобныхъ мнѣ философовъ? Напримѣръ: чтобы казалось основательнѣе слѣдующихъ умствованій?

„Безъ всякаго опасенія можно размѣщать плѣнныхъ по полкамъ. Не переполняя числа оныхъ, вѣрьте, что вопреки всѣмъ философическимъ умствованіямъ, *о любви къ отечеству*, они будутъ также хорошо за васъ драться, какъ и за прежнихъ своихъ вождей... Естьли возразятъ, что послѣ злощастной неудачи они побѣгутъ: *я* отвѣчаю, что вы, умножа свои силы, предупредите сію неудачу... Солдатъ въ цѣлой Европѣ есть *Космополитъ*, или *міражитель*.

Такъ *я* думалъ, такъ разсуждали мои сообщники; и вышло все не то. Я собралъ не воиновъ, но нахваталъ разбойниковъ; *я* пріучалъ ихъ вѣровать въ *неизмѣнное мое щастіе*. Воля моя — ихъ воля; щастіе ихъ — грабежъ; слава ихъ — валяться въ грязи для моихъ *политическихъ* затѣй: *я* имъ натвердилъ, что они воюютъ для *политики*, и что цѣлый свѣтъ — ихъ собственность. Я все

придумалъ, кромѣ того, что бы въ Москвѣ не быть *рабомъ моихъ рабовъ.*

„Между тѣмъ, какъ голодныя мои шайки разбойничали, жгли, грабили, раздѣвали, разували, пьянствовали и своевольничали; дрались между собою за ломоть хлѣба и за горсть картофелей; между тѣмъ *Политическое дѣйствіе* Москвы часъ отъ часу изчезало.

„Но подлинно ли я такъ виноватъ, какъ думаютъ? Разсмотримъ! . . . Вселенная! внимай, что готовилъ Россіи мой всеобъемлющій разумъ. . .

„Соображая великія мои предпріятія въ спальнѣ Тюльерійскаго замка, я сказалъ: *взявъ Москву, возьму Россію*! Взявъ Москву, принужу подписать вѣчное рабство Россіи моему поколѣнію. Я надѣялся набрать двѣсти тысячь воиновъ къ пополненію моего войска, и взявъ всю большую Русскую армію, итти прямо въ Индію разорить до основанія дерзкихъ и непокорливыхъ Англичанъ. Повозки, для запасу воды въ знойныхъ степяхъ Азіатскихъ, уже были заготовлены. Сверхъ того на всякой случай у меня были *запасныя предпріятія.* Я зналъ, что о смѣломъ шагѣ моемъ въ сердцѣ Россіи раздастся молва по всѣмъ краямъ свѣта. И такъ я предполагалъ, что въ слѣдствіи сей молвы, вооружу противъ Россіи съ одной стороны Туровъ и Татаръ, съ другой Швецію и Данію, съ третьей Персіянъ и Китайцевъ. Успѣхъ въ этомъ былъ несомнителенъ. Мнѣ бы стоило только разшевелить страсти и искусно напасть на щекотливое народное самолюбіе. Вино-

вать ли я, что слѣпое щастіе, что своенравная *фортуна*, которая до сихъ поръ водила меня на помочахъ, вдругъ по женской прихоти разсердясь на меня, сказала: *не хочу тебѣ служить.* Оборвались помочи — я упалъ!... Нѣтъ! вопреки своенравной *фортунѣ*, Политики всѣхъ вѣковъ скажутъ, что никто не могъ сравниться со мною въ политическихъ и военныхъ соображеніяхъ. Правда, въ необычайномъ моемъ политическомъ полетѣ, мнѣ надлежало бы припомнить то, что сказано *въ политической Картинѣ Европы,* 1805 *и первыхъ трехъ мѣсяцевъ* 1806 *года.* Тамъ написано: *несправедливо мыслить, будто бы для укрощенія Наполеонова самолюбія, должно во всякое время выставлять пять сотъ тысячь войска.*

„Неволно признаюсь, что Россія оправдала это предсказаніе. Но могъ ли я заниматься такими мѣлочами? . . . Однако, что же я дѣлалъ въ Москвѣ, выжженной мною за то, что Русскіе не приняли меня, какъ *политическую главу всѣхъ просвѣщенныхъ Европейскихъ семействъ*, выжженную за то, что не заплатили мнѣ дани на содержаніе войскъ моихъ? . . . Что дѣлалъ я шесть недѣль въ Москвѣ, *лишенной всего* политическаго очарованія? . . .“

„И въ семъ случаѣ сравнивая мѣлочныя упражненія Русскихъ съ великими преднамѣреніями *политическаго моего ума*, потомство отдастъ мнѣ справедливость.“

„Что сдѣлалъ Русской Полководецъ? Онъ занялъ только ту самую дорогу, на которую послѣ *шестинедѣльной* бытности моей въ Мо-

сквѣ, прорывался я всѣми силами, чтобы въ полуденныхъ краяхъ Россіи накормить мои двадцать народовъ, оголодѣвшіе въ Москвѣ. Онъ освѣжалъ, пополнялъ свои войска, разсылалъ во всѣ стороны отряды; наконецъ дождался съ Дону двадцать полковъ Козаковъ. . . Козаковъ! . . . Какое постыдное названіе!"

Великой Наполеонъ вдругъ услышалъ шумъ, содрогнулся и спросилъ извощика: *что тамъ такое?* Ничего, отвѣчалъ извощикъ; гонютъ стадо барановъ и коровъ, вѣрно для большой Французской арміи. Наполеонъ вздохнулъ и мысленно примолвилъ: „уже нѣтъ сей большой арміи, сей блестящей, сей первой арміи во вселенной! не для нее гонятъ барановъ и коровъ; не будетъ она лакомиться ни картофлями, ни винами. . . Но я радъ, что этотъ шумъ отъ стада барановъ и коровъ, а не отъ погонки ничтожныхъ Козаковъ. Однако я отъ нихъ бѣжалъ и бѣгу! . . . Вотъ мое оправданіе!"

„Между тѣмъ, какъ Русской Полководецъ занимался какими — то стародавними предосторожностями и воинскими распоряженіями, мой умъ парилъ въ неизмѣримости *политическаго преобразованія Россіи.* Въ древнихъ чертогахъ Царей Русскихъ занимался я распредѣленіемъ и размежеваніемъ Россійскихъ областей; назначалъ моихъ Маршаловъ удѣльными Князьями; заготовлялъ великолѣпныя грамоты на новыя ихъ достоинства, старался даже пріурочивать ихъ въ родню старинныхъ Русскихъ Князей. Всему просвѣщенному свѣту извѣстно, что въ глубокомысленныхъ моихъ *Политическихъ предначертаніяхъ*, предположено

соединеніе Царствъ совокупить узами родства и знаменитости. Уже все мое войско распредѣлено было на различныя отдѣленія. Я мысленно отправлялъ ихъ въ Азіатскія области Россіи, даже къ берегамъ Ледовитаго моря, чтобы сказали: *и тамъ была большая армія великаго Наполеона!* . . . Такъ! уже нѣтъ сей большой арміи; но никогда не изчезнетъ память о безпримѣрныхъ моихъ *политическихъ предпріятіяхъ* въ Россію. Овладѣвъ Россіею, овладѣлъ бы я и вселенною. И какая же бездѣлица разстроила мою политику?

„Въ великихъ моихъ соображеніяхъ, при поспѣшномъ выходѣ изъ Москвы, я забылъ конныхъ и артиллерійскихъ лошадей подковать и перековать порусски. Я извѣщалъ цѣлую Европу въ половинѣ и въ концѣ Октября, что для моихъ рѣшительныхъ предпріятій остается еще *два мѣсяца прекраснѣйшей погоды*. Но вдругъ нагрянули морозы и гололедица. Отъ плоскихъ *Французскихъ подковъ*, лошади почти не могли передвигать ногъ, и падали поминутно, корабкаясь на горы и холмы. . . Вскорѣ послѣ падшихъ лошадей принужденъ я былъ впрягать подъ пушки и пороховыя ящики *быковъ*, и даже *коровъ*. И отъ такихъ-то ничтожностей разстроиваются *величайшія и отважнѣйшія предположенія политическія*.

„Я отомщу судьбѣ и морозамъ. Уже готовъ въ головѣ моей новой *бюллетень*. Я скажу моимъ легкомысленнымъ Французамъ, что я оставилъ свои войска зимовать въ *Смоленскѣ*, въ *Минскѣ*, въ *Вильнѣ*, и проч. Я скажу,

что прискакалъ въ Парижъ для того, что бы скорѣе набрать еще триста тысячь *конскриптовъ* и нанесть послѣдній и рѣшительный ударъ Россіи! Моимъ Французамъ и въ голову не придетъ справиться, какъ могъ я оставить войска въ *Смоленскѣ* и *Вильнѣ*, естьли Русскія войска уже въ *Кенигсбергѣ* и около *Данцига*. Ахъ! я знаю, что это ложь: но Парижскіе вѣтреники привыкли мнѣ вѣрить, а не разсуждать. Vive les badauts de Paris! *да здравствуютъ пустоголовые Парижане!* . . . Но естьли вѣтреники мои образумятся, естьли легкомысліе ихъ забунтуетъ . . . у меня уже взяты всѣ мѣры предосторожности. Захвачу какъ можно болѣе драгоцѣнныхъ камней; захвачу *любезные мои бюллетени*; убѣгу съ моимъ любезнымъ *мамелюкомъ Рюстаномъ*, котораго злой Русской морозъ отдѣлалъ немилосердно: убѣгу съ нимъ въ Египетъ и найму себѣ уголокъ на кровлѣ *пирамидъ*. Воюя въ Египтѣ, я сказалъ моимъ воинамъ; *съ высоты сихъ пирамидъ сорокъ столѣтій на насъ смотрятъ!* Къ симъ сорока столѣтіямъ присовокупя мою славу, буду упѣшаться звучнымъ голосомъ потомственной молвы — Молва сія возгласитъ: *великій Наполеонъ отъ знойныхъ песковъ Африканскихъ, доходилъ до варварскихъ и мразныхъ областей Россіи!* . . . .

„Зная моихъ Французовъ, кажется не нужно мнѣ будетъ бѣжать въ Египетъ съ моимъ любезнымъ *мамелюкомъ Рюстаномъ*. Правда, отмороженныя его руки, ноги, подбородокъ, и обезоруженные Русскимъ морозомъ носы и уши моихъ *Маршаловъ* и *Дюковъ* мо-

гуть устрашить Парижскихъ вѣтрениковъ; но я имъ скажу: *Французы! надобно наказать морозъ Русской; достоинство великаго народа того требуетъ. Французы! мы изобрѣтемъ искуственныя печи; мы отопимъ и обогрѣемъ Русской холодъ.* Oui! nous chaufferons ce maudit climat Russe!"

Вотъ каковы Русскіе!

Полковникъ *Александръ Николаевичъ Батвининцевъ* изъ давнихъ лѣтъ обращаетъ на себя вниманіе отличною своею благотворительностію и человѣколюбіемъ. Неограничиваясь тѣмъ, что нещастнымъ, являющимся къ нему, оказываетъ всевозможное пособіе, онъ самъ изъискиваетъ случаи къ изліянію своихъ благотвореній. Соревнуя отъ чистаго сердца своимъ соотчичамъ, претерпѣвшимъ разореніе отъ нашествія неприятелей, онъ обьявилъ чрезъ публичныя извѣстія, что буде какое нещастное семейство, по случаю бѣдственнаго вторженія Французовъ въ Москву, не имѣетъ ни дома, ни способовъ къ достаточному себя содержанію: то онъ охотно и усердно предлагаетъ свой домъ и возможныя услуги. На сей конецъ даже означилъ онъ въ обьявленіи своемъ: въ какихъ Губерніяхъ и въ какихъ уѣздахъ и въ какомъ разстояніи находятся его деревни. Безъ сумнѣнія нашлись неимущія и разоренныя семейства, желающія воспользоваться благотворнымъ предложеніемъ благодѣтельнаго друга человѣковъ, и *Полковникъ Батвиньевъ* во вѣки

будетъ благословляться ими. Вотъ каковы Русскіе!

Храбрость Гамбургскаго крестьянина.

Случилось, что въ окрестностяхъ города Гамбурга одинъ молодой предпріимчивой крестьянинъ посланъ былъ вожатымъ для небольшаго отряда Прусскихъ волонтеровъ и Русскихъ Козаковъ. — По дорогѣ къ близь лежащей деревнѣ встрѣчается съ нимъ другой крестьянинъ, и объявляетъ, что въ помянутой деревнѣ находится тридцать человѣкъ Французскихъ конныхъ жандармовъ. — Вожатый, остановя у опушки густаго лѣса ведомый имъ отрядъ, отправился одинъ потихоньку къ деревнѣ, дабы сдѣлать свои распоряженія съ крестьянами оной. Онъ велѣлъ имъ стать во кругъ деревни, и коль скоро будутъ на назначенныхъ имъ мѣстахъ, дать знать о томъ посредствомъ выстрѣла. Сдѣлавъ сіе распоряженіе, возвратился крестьянинъ къ своему отряду, которой онъ о всемъ сдѣланномъ извѣстилъ, дабы быть и съ своей стороны въ готовности. — Вдругъ слышится выстрѣлъ; провожатый съ волонтерами и Козаками бросился въ деревню и увидѣлъ, что Французы на лошадяхъ и готовы къ защищенію. — Онъ не робѣетъ, съ отважностію устремляется прямо на Французскаго Офицера съ имѣющимся у него пистолетомъ, стрѣляетъ въ него, но пистолетъ не выстрѣлилъ. — Разъяренный Офицеръ бросается на крестьянина съ саблею, и уже готовится разрубить его на двое съ

головы до ногъ: но вдругъ Козакъ пускаетъ въ Офицера свой дротикъ, произаетъ его насквозь, и тѣмъ избавляетъ отъ смерти своего вожатаго. Одинъ изъ жандармовъ хотѣлъ было кинуться на Козака, но сей однимъ искуснымъ взмахомъ повергъ его съ лошади на землю мертвымъ. Симъ устрашенные Французы не знали, что дѣлать; между тѣмъ сбѣжалися крестьяне, взяли оставшихся 28 жандармовъ и отвели ихъ обезоруженныхъ куда слѣдуетъ.

Вредная предосторожность Еврея.

Когда жители города Витебска услытали, что Французы заняли уже многіе Губернскіе города, и вступили въ нѣкоторые уѣзды Витебской Губерніи; то начали принимать мѣры предосторожности въ разсужденіи своего имущества, которое бываетъ главнымъ предметомъ грабительства и алчности Французовъ.— Одинъ изъ тамошнихъ Евреевъ собралъ въ мѣшки всѣ свои пожитки и поздно ввечеру закопалъ въ своемъ огородѣ: такимъ образомъ онъ думалъ спасти свое имущество, что впрочемъ ни случилось бы съ городомъ. Но коль скоро улегся онъ съ семействомъ своимъ спать, и занимаясь пріятными мыслями на щетъ своихъ пожитковъ, заснулъ,— нѣкто изъ городскихъ обывателей, примѣтивъ ввечеру зарываемый Евреемъ кладъ, пришелъ къ оному съ товарищами своими въ самую полночь, откопалъ и спряталъ его по своему! Еврей, едва пробу-

дился, какъ первое движенiе его было осмотрѣть свои пожитки; но какимъ пораженъ былъ онъ отчаянiемъ, увидѣвъ, что они открыты и всѣ унесены! Что дѣлать? Объявлять Полицiи; но Полицiи не до того; она сама занята была важнѣйшими общественными распоряженiями. Надлежало Еврею остаться безъ пожитковъ, чтобы не подвергаться опасности отъ Французовъ.

Донской Козакъ въ Англiи.

По прибытiи въ Англiю посланнаго туда изъ Гамбурга пакетбота, Русской Капитанъ *Бокъ* появился съ однимъ Донскимъ Витяземъ на Лондонской биржѣ. Появленiе сiе привлекло туда со всѣхъ сторонъ великое множество народа; ибо въ Лондонѣ никогда еще не было видано Козака. Самъ главный Лордъ Меръ вступилъ съ заслуженнымъ Россiйскимъ воиномъ въ разговоръ. Господинъ Грантъ былъ между ими переводчикомъ. Лордъ сказалъ Козаку, что первый членъ Лондонскаго Магистрата почитаетъ себѣ за честь подать руку столь отличному воину, хотя впрочемъ онъ и не украшенъ никакими чинами и титлами. Козакъ отвѣчалъ на сiе просто, но съ чувствомъ, что онъ всегда радъ былъ умереть за своего Царя и за Отечество.— Козакъ сей называется Александромъ Витиченковымъ имѣетъ отъ роду 54 года, и пятнадцать лѣтъ уже тому назадъ уволенъ былъ отъ службы съ пансiономъ; но какъ скоро услышалъ онъ о вторженiи Французовъ въ предѣлы его родины, то явился тотчасъ

добровольно съ двумя сыновьями на защиту Отечества.

Лордъ Меръ объявилъ народу, что сей Козакъ пикою своею, которую имѣетъ въ рукѣ, убилъ 39 Французовъ, въ томъ числѣ трехъ Офицеровъ. Народъ принялъ сіе съ неописаннымъ удовольствіемъ, которое изъявилъ онъ всеобщими громкими восклицаніями. Открыта подписка: отослать его съ честію обратно, одѣвъ и вооруживъ снова. Художникъ срисовалъ его въ Акермановой увеселительной залѣ, желая выгравировать его изображеніе. Онъ имѣетъ видъ воинственный и добрый; борода у него длинная, кудрявая, сѣдая; волосы не такъ сѣды; ростомъ 6 футовъ, плотенъ и силенъ; въ обхожденіи веселъ и непринужденъ; ходитъ онъ въ обыкновенномъ Козацкомъ платьи.

Безпрерывный комплектъ арміи Наполеона.

Вѣдомости, издаваемыя по приказанію Наполеона въ Швейцаріи, утверждали въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, что Швейцарскія войска, стоявшія при Полоцкѣ, ни мало не потерпѣли; и еще совершенно *комплектны*. Сей безпрерывный *комплектъ* Наполеоновой арміи напоминаетъ о слѣдующемъ анекдотѣ: Одинъ Нимкаренбергскій Синдикъ, великій экономъ, хвастался, что плащъ, который онъ носитъ въ теченіе сорока лѣтъ ежедневно, еще совершенно цѣлъ и даже новъ. Надобно знать, что онъ наблюдалъ при томъ слѣдующую предосторожность: ежегодно осенью вновь подбивалъ покрышку, а слѣдующею весною покры-

жалъ подкладку. Не подобнымъ ли образомъ сохраняется въ теченіи многихъ лѣтъ безпрерывной комплектъ арміи Наполеона?...

Страшные и великодушные Козаки.

Послѣ изгнанія Французовъ изъ Россіи, Вице-Король Италіянской, Маршалъ Викторъ, и другіе Французскіе Генералы прибыли въ Маріенвердеръ, и никто не могъ узнать, гдѣ ихъ находятся арміи; ибо только 600 Поляковъ съ восьмью пушками занимали мостовое прикрытіе. Вдругъ ударили тревогу и раздались выстрѣлы вблизи города. Вскорѣ за симъ прискакали два Козака и бросились къ дому Вице-Короля. Хотя сіи неустрашимые Герои тотчасъ были убиты; но они такъ испугали Вице-Короля, что онъ, схвативъ пистолетъ, бросился на лошадь и ускакалъ. За нимъ пустился бѣжать Маршалъ Викторъ и всѣ Французскіе Генералы и Офицеры, преслѣдуемые двадцатью Козаками, которые настигли многихъ изъ бѣгущихъ Французовъ. Вице-Король и Маршалъ Викторъ обязаны спасеніемъ прыткости своихъ лошадей. — Поляки, занимавшіе мостовое прикрытіе, при первой тревогѣ, бросили всѣ пушки въ Вислу и убѣжали. Одна только команда Баденскихъ Гусаръ, состоявшая человѣкъ изъ 50-ти осмѣлилась противиться; но потерявъ четырехъ человѣкъ убитыми, сдалась въ плѣнъ. Плѣнные сіи, бывъ очевидными свидѣтелями жадности и грабительства Французскихъ солдатъ, думали увидѣть сіе и въ Козакахъ Русскихъ; но въ какое пришли они

удивленіе, когда Козаки явили себя столь великодушными, что не только не хотѣли ни чѣмъ воспользоваться отъ плѣнныхъ; но даже оставили при нихъ часы и деньги. Баденцы отъ негодованія къ Французамъ и отъ благодарности къ Русскимъ, залились слезами и плакали, какъ робенки. Какое различіе съ поведеніемъ Французовъ, которые все отнимали у Русскихъ, попадавшихся имъ въ плѣнъ, не оставляя на нихъ и необходимой въ холодное время одежды!

Зимнія квартиры Наполеоновой арміи.

Когда Наполеонъ, потерявъ всю почти свою армію въ Россіи и самъ спасшись бѣгствомъ, пріѣхалъ въ Парижъ; то еще столько былъ безсовѣстенъ, что безъ всякаго зазрѣнія слушалъ говоренныя ему отъ чиновъ разныхъ сословій привѣтствія,— и хотя привѣтствія сіи были для него самыя язвительнѣйшія насмѣшки; но онъ, при всей пылкости своего характера, долженъ былъ выслушивать ихъ со всякою наружною холодностію, дабы необнаружить истиннаго жалкаго своего положенія. Такъ на примѣръ, Президентъ Апелляціоннаго Судилища, между прочимъ говорилъ ему: „Ваше Величество! не станемъ у-„сугублять поздравленій, давно уже славѣ ва-„шей не нужныхъ, съ кампаніею, которая „ознаменована отчаяніемъ вашихъ непріяте-„лей и безполезностію всѣхъ усилій ихъ, да-„бы воспротивиться соединенію вашей арміи „въ покойныхъ зимнихъ квартирахъ, доставленныхъ ей вашею прозорливостію и отече-

„симъ попеченіемъ!“ Всякъ можетъ себѣ представить, какъ по желудку были Наполеону таковыя привѣтствія въ то время, когда онъ не могъ скрыть отъ самаго себя, что вся почти большая армія зимнею Россійскою дорогою отправилась на вѣчныя квартиры!

Мздовоздаяніе осквернителей святыни.

Въ началѣ кампаніи 26 го Іюня и 7 го Іюля 1812 года въ главной квартирѣ Наполеоновой арміи даны были приказы, первой въ томъ, что *Антонъ Букетъ*, рядовой 7 го легкаго пѣхотнаго полка, уличенный въ кражѣ церковныхъ вещей, военною Коммиссіею приговоренъ къ смертной казни, а второй въ томъ, что бы всѣ безпорядки и грабежи были превращены. Но всѣ сіи строгости были тщетны: солдаты забыли повиновеніе; злодѣйства умножались со дня на день. Начальники, не могли тому воспротивиться, все позволили и сами во всемъ участвовали.

По вступленіи Французовъ въ Витебскъ, разграбили они городъ и осквернили всѣ церкви. Между Смоленскимъ и Москвою не оставили они въ цѣлости ни одной церкви; вездѣ посрамляли женъ и дѣвъ, укрывавшихся въ храмахъ Божіихъ, убивали младенцевъ, и и въ поругательствѣ обвѣшивали ихъ членами иконостасы и престолы; вколачивали гвозди въ очи святыхъ ликовъ, втаскивали въ церкви изъ домовъ статуи, и ставили ихъ вмѣсто образовъ, пили вино изъ церковныхъ

сосудовъ. Вездѣ являлась странная охота Французовъ ставить лошадей въ жилые домы, а самимъ становиться въ конюшни, и готовить кушанье въ церквахъ, а не на кухняхъ, и все сіе совершалось съ вѣдома и согласія начальства: въ Маломъ — Ярославцѣ, тотчасъ по занятіи сего города, всѣ церкви превращены въ конюшни; на одной, по изгнаніи извергов, нашли надпись: Ecurie du Général Guilleminеau, конюшня Генерала Вильемино. Всѣ бивуаки Французовъ, при семъ городѣ, были сдѣланы изъ мѣстныхъ образовъ. — Не одни Греческаго исповѣданія церкви испытали ихъ буйство: въ числѣ присланныхъ въ Москву церковныхъ вещей, отбитыхъ у нихъ нашими войсками, найдены двѣ ризы Католическихъ Священниковъ. Вотъ до какой степени простерлось нечестіе Французовъ, возрожденныхъ новымъ Іуліаномъ — Наполеономъ! Но за то какое грозное наказаніе въ послѣдствіи постигло орды сихъ нечестивцевъ, богоотступниковъ и злодѣевъ!

Бивуаки Французовъ подъ Борисовымъ были сдѣланы изъ снѣгу и тѣлъ замерзшихъ ихъ товарищей — семнадцати тысячи человѣкъ! Въ сихъ шалашахъ они разводили огни, которыми обжигались мертвыя тѣла и падали, а они ихъ снова ставили на прежнія мѣста съ хладнокровіемъ. — Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замерзали Французы цѣлыми толпами: съ отмороженными по локоть руками и по колѣна ногами уподоблялись они истуканамъ изъ слоновой кости. — Въ Вильнѣ не успѣвали хоронить умирающихъ въ госпиталяхъ и бросали ихъ предъ дверьми вмѣстѣ съ

прочими изверженіями. Они грѣлися въ сараяхъ на тѣлахъ своихъ умершихъ товарищей, изъ коихъ вырѣзывали лучшія часпи, какъ-то: икры и пр, и утоляли голодъ, а потомъ ослабѣвая падали сами мертвы въ огонь, чтобъ послужить въ пищу другимъ, едва до нихъ дотащившимся товарищамъ. Оставшіеся въ живыхъ дошли до такой степени звѣрства и ожесточенія, что пожирая другъ друга, не только сего не скрывали, но еще хвастались, говоря тѣмъ, которые имъ въ томъ упрекали: однако сударь, это лучше мертвечины! Mais Monsieur! ça vaut mieux que de la charogne) но покроемъ сіи ужасныя сцены завѣсою вѣчнаго забвенія! Осквернители святыни, изверги природы и человѣчества получили достойное свое мздовоздаяніе! ...

Отвѣтъ Наполеона Королю Саксонскому.

Во время пребыванія Наполеона въ Дрезденѣ, предъ начатіемъ прошлогодней кампаніи, Король Саксонскій, въ разговорѣ съ нимъ замѣтилъ, что предстоящая кампанія будетъ стоить множества людей. — „Вѣроятно, отвѣчалъ Деспотъ; но я могу ежемѣсячно *тратить* (depenser) двадцать пять тысячь человѣкъ!“ Каково было выслушать ужасный сей отвѣтъ Государю, извѣстному своимъ человѣколюбіемъ, который видѣлъ себя въ необходимости предать множество своихъ подданныхъ сей адской *тратѣ!*

Съ Козаками не сладишь.

По убѣжаніи Маршала Даву изъ Россіи, оставалось въ его корпусѣ около 1200 человѣкъ. Остатки сіи шли въ Штетинъ. — Въ Кенигсбергѣ, на Одерѣ, настигли ихъ Козаки и разогнали. Даву убѣжалъ въ Кистринъ. Сіе происходило слѣдующимъ образомъ:

Проходя съ шайкою своею чрезъ Кенигсбергъ, въ Новой Мархіи, Даву призвалъ къ себѣ тамошняго *Почтмейстера* и далъ ему приказы и наставленія: рачительно наблюдать все происходящее, узнавать силу и движенія Русскихъ, которые, можетъ быть, подойдутъ, и обо всемъ донести ему подробно. — *Почтмейстеръ* отвѣчалъ, что не сдѣлаетъ этаго, ибо не намѣренъ быть шпіономъ, особливо въ пользу непріятелей. Даву (самый кровожадный и жестокосердый изъ сообщниковъ Бонапарта; онъ приказалъ умертвить Пальма) приведенъ былъ въ бѣшенство честностію сего человѣка, велѣлъ его связать, бросить въ повозку и при первомъ привалѣ войска разстрѣлять. Онъ самъ былъ свидѣтелемъ исполненія своего приказа, сѣлъ на лошадь и приказалъ везти за собою повозку; но лишь только онъ приближился къ городскимъ воротамъ, чрезъ которыя вышло напередъ его войско, какъ Бургомистръ приказалъ запереть оныя. Даву ускользнулъ, а Почтмейстера освободили.

Даву присоединился между тѣмъ къ своему отряду, остановилъ его, поворотилъ на лѣво кругомъ въ городъ, вѣроятно для того, чтобъ доказать свое могущество и

великодушіе грабежемъ, убійствомъ и зажигательствомъ. Но лишь только колонна вступила въ походъ, раздался посреди ея крикъ боязни и ужаса: „Козакъ! Козакъ!“ Въ самомъ дѣлѣ одинъ Козакъ является предъ нею, вскорѣ потомъ другой, третій, четвертый, впереди, позади, со всѣхъ сторонъ рыщутъ Козаки. — Даву пришпорилъ лошадь и ускакалъ; вся колонна, подобно стаду голубей, при появленіи ястреба, разбѣжалась съ крикомъ, бросая оружіе: такимъ образомъ *тысячи двѣсти регулярнаго войска Французовъ разсѣялись отъ осьмидесяти нерегулярныхъ Козаковъ!* Видно Французамъ не сладить съ Козаками!

Все бываетъ до времени.

Замѣчено, что въ день прибытія въ Австрію извѣстія о погибели большой Французской арміи въ Россіи, играли въ Вѣнѣ на трехъ разныхъ театрахъ піесы подъ слѣдующими заглавіями: *Мечь правосудія*, *похищенной кладъ* и *разбойники.*— Вѣнская публика съ величайшимъ удовольствіемъ и восторгомъ замѣчала только все то, что могло относиться къ поведенію и нынѣшней судьбѣ Наполеона. — Французскій Посланникъ, Г. Отто осмѣлился сдѣлать объ этомъ случаѣ представленіе Австрійскому Правительству; однакожъ сіе писмало его не уважило. Многія подобныя его жалобы остались тщетными! Все бываетъ до времени. . .

Искренность Пруссаковъ къ Русскимъ.

Когда Русскіе, выгнавъ Французовъ изъ Кенигсберга, вступили въ сей городъ; то жители онаго въ такое пришли восхищеніе и радость, что бѣгали по улицамъ, обнимали другъ друга и кричали: „да благословитъ Господь добродѣтельнѣйшаго изъ всѣхъ Монарховъ Александра! да здравствуютъ Россіяне!“ Каждый житель называлъ Русскихъ своими благодѣтелями, давшими ему новое бытіе. Всѣ на перерывъ зазывали къ себѣ и угощали самымъ лучшимъ образомъ. —

Одинъ изъ Русскихъ Офицеровъ, квартируя у тамошняго гражданина весьма посредственнаго состоянія, три дни сряду, по убѣжденію своихъ хозяевъ, долженъ былъ обѣдать и ужинать съ ними. На четвертый день, боясь быть имъ въ тягость, приказалъ онъ изготовить столъ у себя, въ намѣреніи угостить добрыхъ своихъ хозяевъ; но они, узнавъ объ этомъ, явились къ Офицеру со всѣмъ своимъ семействомъ, и просили не лишать ихъ лучшаго удовольствія. — Офицеръ отвѣчалъ, что онъ Русской, а не Французъ, и предложилъ имъ плату за ихъ издержки. Они еще болѣе огорчились, и наконецъ хозяинъ сказалъ съ твердостію: „Герои Русскіе здѣсь. Мы ожили; мы ваши. „Просимъ васъ, не пренебрегайте преданныхъ Русскимъ. Жители нашего города уже „давно васъ ожидали. У насъ есть руки. Подъ „знаменами Великаго Александра, есть ли „только позволено будетъ, оправдаемъ честь „свою. Злодѣи Французы хотя и обобрали

„насъ; но съ Русскими — ручаюсь вамъ за „каждаго изъ согражданъ своихъ — всякъ по„ставитъ себѣ за честь раздѣлить послѣд„нее!" — Убѣжденный сими словами Офицеръ долженъ былъ уничтожить свою кухню. Воздавать справедливый долгъ благодарности своимъ избавителямъ, есть пріятная сердцу человѣка обязанность; но видѣть избавленныхъ изъявляющими чувства вѣрности и чистосердечія, есть неописанное удовольствіе.

Смерть Адмирала Виллънева.

Адмиралъ Французскій *Виллъневъ*, проигравшій сраженіе при Трафалгарѣ, и взятый въ плѣнъ Англичанами, получилъ отъ Британскаго Правительства позволеніе возвратиться во Францію на честное слово; но Наполеонъ запретилъ ему въѣзжать въ Парижъ. Оскорбленный симъ запрещеніемъ, и лишенный средствъ оправдаться въ обвиненіяхъ Монитера, Виллъневъ написалъ къ Наполеону пространное письмо, коего послѣднія слова, внушенныя ему отчаяніемъ, слѣдующія:

„Вы должны вспомнить, что когда Латушъ умеръ въ Тулонѣ, я командовалъ въ Рошфортѣ, и отказался отъ занятія его должности. Я былъ въ то время твердо увѣренъ, что всякъ, кто приметъ начальство или управленіе вздорною и худо устроенною экспедиціею соединенныхъ Французскаго и Испанскаго флотовъ, будетъ разбитъ со стыдомъ, хотя къ нещастію и спасетъ жизнь въ сраженіи неизбѣжномъ, потому что крей-

серы непріятельскіе покрываютъ всѣ моря. Вотъ самыя тѣ слова, которыя въ то время сказалъ я вамъ и Морскому Министру! Отправясь, вопреки мнѣнію моему, изъ Барцелоны въ Кадиксъ, и узнавъ тамъ, какъ снаряженъ и маневрируетъ Испанскій флотъ, послалъ я при первой депешѣ своей и прошеніе объ увольненіи меня отъ службы; я повторилъ оное на Мартиникѣ, предъ Ферролемъ и Кадиксомъ. Получивъ 24 Сентября приказаніе, возвратиться съ соединеннымъ флотомъ въ Тулонъ, даже естьли бъ надлежало пробиться чрезъ Англинскій флотъ, отвѣчалъ я: „повинуюсь!" но въ то же время напомнилъ Министру о прозьбѣ моей, объ опасеніяхъ моихъ въ разсужденіи морскаго сраженія, и о твердомъ намѣреніи моемъ, въ случаѣ побѣды или пораженія, отказаться навсегда отъ опасной дожности, которой я по моимъ правиламъ, и особенно по свирѣпому и горячему нраву вашему, отправлять не въ состояніи. Нещастія случившагося при Трафалгарѣ, нельзя приписать ошибкѣ, или недостатку въ храбрости: сіе совершенно доказано мною въ подробномъ рапортѣ моемъ о семъ сраженіи. Для чего не помѣщаютъ сего рапорта въ Монитерѣ, между тѣмъ, какъ печатаются въономъ оскорбленія и обвиненія, сочиняемыя моими врагами? — Получивъ мое донесеніе, сказали вы, съ обыкновенною наглостію и жестокостію своею: „вижу, что непремѣнно нуженъ примѣръ Французскаго Бинга, (*) чтобъ пріучить къ по-

(*) Англинскій Адмиралъ Бингъ разстрѣлянъ былъ за то, что потерялъ сраженіе.

бѣдамъ мою морскую силу." Тысячи голосовъ повторили сіе безчувственное выраженіе ваше, сей смертный приговоръ, произнесенный бѣшенствующимъ, иноземнымъ хищникомъ трона надъ Французскимъ Адмираломъ и Патріотомъ; никто не упоминалъ о моемъ донесеніи; можетъ быть, его вовсе и не читали. При всемъ томъ донесеніе сіе содержало въ себѣ нѣкоторыя неприятныя истины, которыя могли бы доказать, что ваше высокомѣріе, бывшее причиною разрушенія Французскаго флота при Абукирѣ, произвело также истребленіе онаго при Трафалгарѣ. Во время вашего правленія, которое продолжается не много лѣтъ, отечество мое и его союзники потеряли кораблей болѣе, нежели сколько имѣла Королевская морская сила въ правленіе Лудовика XIV и XV, и естьли отечество мое еще нѣсколько времени будетъ, по волѣ разгнѣваннаго Неба, состоять подъ желѣзнымъ вашимъ скипетромъ; то военный флотъ его будетъ столь же маловаженъ, какъ и купеческій, и въ гаваняхъ его скоро видны будутъ одни морскіе разбойники и обнищавшіе купцы."

„Какую пользу пріобрѣло мое отечество отъ славы всѣхъ вашихъ щастливыхъ походовъ? Свободнѣе ли оно подъ вашею властію, нежели прежде? Обремененные податями, ужасно притѣсняемые жестокосердымъ военнымъ Деспотомъ соотчичи мои сѣтуютъ, чувствуя приближеніе неминуемой погибели, и не смѣютъ даже громко вздохнуть! Только вы, ваши родственники и ваши твари получаютъ выгоды отъ побѣдъ;

купленныхъ чистѣйшею кровію и сокровищами Франціи. Какая польза Французамъ, что кровожадный сынъ случая называется ихъ Императоромъ, что его братья и зятья именуются Королями и Принцами, племянницы Королевами и Принцессами, соучастники въ его злодѣяніяхъ Герцогами, Маршалами и Кавалерами? — Вы обременили цѣпями Французовъ; но не можете оковать ихъ разсудка. Видя во Франціи тысячь двадцать Австрійцевъ или Русскихъ плѣнныхъ, они должны вспоминать о плѣненіи гораздо большаго числа ихъ собратій въ Англіи, которыхъ вы предали въ неволю своимъ упрямствомъ и честолюбіемъ."

„Слогъ сего письма докажетъ вамъ, что бѣшенствующее ваше мщеніе не можетъ меня достигнуть. Повелѣніе вашихъ Министровъ, не приближаться къ столицѣ вашей, не получивъ на то отъ васъ позволенія, отложило на нѣсколько времени наказаніе ваше и освобожденіе рода человѣческаго. Рѣшась не пережить истребленія Французской морской силы, безъ сего приказанія, отправилъ бы я васъ на тотъ свѣтъ, а потомъ уже наказалъ бы самаго себя за то, что нарушивъ мою честь, мой домъ, мою породу и мое состояніе, позволилъ себѣ сдѣлаться вашимъ орудіемъ. Вы еще живы, и сіе доказываетъ, что жестокая судьба, по неисповѣдимымъ причинамъ, хочетъ продлить варварское ваше правленіе. Но будьте увѣрены, помышляя о несмѣтномъ числѣ вашихъ злодѣяній, что вы, бывши въ жизни однимъ изъ величайшихъ и свирѣпѣйшихъ злодѣевъ, должны

умереть нещастнѣйшимъ и ужаснѣйшимъ образомъ. Убійца, или палачь прекратитъ цѣпь гнусныхъ вашихъ подвиговъ, которые къ стыду человѣчества, слишкомъ были продолжительны, и чтобы добродѣтельное потомство знало истинное раскаяніе и патріотическія чувствованія, которыя ощущаю я въ минуту смерти моей, разосланы копіи съ сего письма къ Офицерамъ во Французскихъ гаваняхъ. Пусть подлые ваши льстецы говорятъ, что хотяхъ: естьли бъ я васъ умертвилъ; то не только настоящій вѣкъ, но и всѣ будущія столѣтія благословляли и уважали бы меня, какъ Героя."

„Трепещи, Тиранъ! ты живешь терзаемый омерзѣніемъ, и умрешь обремененный проклятіями всего свѣта, которыя послѣдуютъ тебѣ и за могилою!"

Написавъ сіе, и сдѣлавъ нужное о разсылкѣ онаго разпоряженіе, Вильневъ застрѣлился.

Приверженность Козаковъ къ національному.

Щастливые обладатели щастливаго Дона достойны по всей справедливости пріобрѣтенной ими на поляхъ браней славы, коей удивляется вселенная, — достойны и по воинственнымъ Геройскимъ своимъ доблестямъ, и по твердости духа и непоколебимой приверженности ко всему Русскому, коренному — Отечественному.

Предъ начатіемъ настоящей войны съ Французами, или по открытіи уже кампаніи, присланы были изъ арміи на Донъ два моло-

дые Козака, для сформированія предположенныхъ вновь къ набору Козацкихъ Полковъ. По молодости своей пришло имъ въ голову удивить своихъ единоземцевъ необычайностію нарядовъ и другими введенными отъ иностранцевъ въ употребленіе мѣлочами. Въ одинъ нарочитый, по тамошнему обыкноводенію день нарядились они въ короткое Французское платье, и съ лорнетами въ рукахъ, явились въ публику. — Лишь только народъ увидѣлъ никогда у себя не бывалое, — всѣ начали между собою поговаривать, всѣ устюронилися, и въ одну четверть часа времени не осталось никого въ собраніи, кромѣ двухъ молодцовъ — причудниковъ. — Сего недовольно: по совѣщанію всѣхъ старѣйшихъ и почтнѣйшихъ, засадили двухъ сихъ парней въ темную комнату и велѣли имъ посматривать тамъ въ свои стекла чудесныя, а наконецъ снявъ съ нихъ ненавистное для всего Донскаго народа платье, одѣли ихъ въ свое національное, говоря: не вводите въ нашу святую землю злыхъ обычаевъ бусурманскихъ! не задумывайте стариковъ сѣдыхъ на чужой ладъ перестроивать!

„Щастливъ народъ лишь той Державы,
Гдѣ любятъ и хранятъ отечественны нравы."

Единственное средство къ спасенію.

По полученіи въ Гамбургѣ извѣстія о вступленіи Россійскихъ войскъ въ Берлинъ, весь народъ пришелъ въ волненіе. — Съ одной стороны народъ собрался толпою для освобожденія семерыхъ конскриптовъ, кото-

рыхъ хотѣли Французы перевести на другой берегъ Эльбы, а съ другой разрушилъ въ одно мгновеніе всѣ шалаши, будки, построенныя у городскихъ воротъ. Давно Французскіе таможенные чиновники были предметомъ ненависти. Теперь многіе изъ сихъ презрѣнныхъ людей перебиты до смерти. Полицеймейстера Рора, Гамбургскаго уроженца, но ревностнаго приверженца Французовъ прибили такъ жестоко, что жизнь его и послѣ того была въ опасности. Въ городскаго Мера Абендрота, Кавалера почетнаго легіона, швыряли каменьями; разграбили домъ купца, скрывшаго у себя одного таможеннаго Офицера; сорвали повсюду Французскіе гербы, и носили ихъ въ торжествѣ по городу. Французскія войска были малочисленны, и потому не смѣли противиться народу. Офицеры и солдаты боялись, что ихъ перебьютъ. Для спасенія ихъ оставалось одно только средство, которымъ умѣлъ воспользоваться одинъ только Французскій Офицеръ. — Онъ, увидѣвъ, что за нимъ гонются двенадцать человѣкъ разъяренныхъ ремесленниковъ, скинулъ съ себя Французскій мундиръ, началъ его топтать ногами, и закричалъ: да здравствуетъ Императоръ Александръ! Сими словами ремесленники поражены были, какъ громовымъ ударомъ, остановились и Французскому Офицеру даровали жизнь. И такъ въ сіе ужасное время, благословляемое имя Александра, было единственнымъ средствомъ, укрощающимъ ярость справедливо ожесточеннаго народа, и спасающимъ жизнь нещастныхъ!

Вѣра побѣждаетъ буйство.

Во время нахожденія Французовъ, Московской Губерніи, Бронницкаго уѣзда разныхъ деревень крестьяне, побуждаемые примѣрами старостъ, села Константинова *Семена Тихонова*, деревни Салвачевой *Егора Васильева* и села Починокъ *Якова Петрова*, собрались съ оружіемъ конные и пѣшіе на дорогу, лежащую къ городу Подольску. Пользуясь мѣстоположеніемъ, они скрылись въ лѣсъ; когда же отъ города Бронницъ проходилъ непріятель къ Подольску для раззоренія и грабежа: то они внезапно на него напали и мгновенно разсѣяли. Но когда увидѣли идущій непріятельскій отрядъ, состоящій изъ семи сотъ человѣкъ съ двумя орудіями; то они обратились къ случившимся тамъ Козакамъ: *Братья и друзья*, сказали они имъ, *ведите насъ на врага; мы будемъ васъ слушаться; мы сдѣлаемъ, что Богъ поможетъ.* — Козаки согласились охотно. Крестьяне, при приближеніи непріятеля, усердно перекрестясь, возопили къ товарищамъ: „*станемъ крѣпко; Богъ намъ поможетъ! Двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать.* Они, подъ предводительствомъ Козаковъ, стремительно и отважно напали на Французовъ, убили на мѣстѣ сраженія тридцать человѣкъ, а другихъ принудили сдаться. И такъ хвастливые сподвижники гордаго Наполеона положили оружіе предъ простодушными Русскими крестьянами: вѣра Русскихъ обезоружила буйство Французовъ.

Смѣлымъ Богъ владѣетъ.

Бронницкіе *воины — поселяне и земледѣльцы* умѣли также при случаѣ употреблять и военную хитрость. — Сельца Ганусова крестьянинъ *Павелъ Прохоровъ*, что бы болѣе приводить въ робость Французовъ, которые всячески бранятъ и крайне боятся нашихъ Козаковъ, нарядился въ Козачье платье, и взялъ въ руки Козацкую нагайку. Однажды усмотрѣвъ онъ пять Французовъ, немедленно погнался за ними со всею смѣлостію и отважностію, и, грозя по Козачьи нагайкою, кричалъ: *говорите пардонъ!* или я васъ собакъ — злодѣевъ всѣхъ переколю. — Нагайка въ нынѣшнюю войну дѣлала чудеса надъ Французами! Пятеро изъ нихъ бросили оружіе и сдались одному Русскому крестьянину. Мнимый Козакъ *Павелъ Прохоровъ* доставилъ плѣнниковъ своихъ подлиннымъ Козакамъ. Вотъ какъ *смѣлымъ Богъ владѣетъ*, естьли только *смѣлый отъ Бога не отступаетъ.*

Быстрота ногъ спасаетъ.

До выхода непріятеля изъ Москвы, крестьяне разныхъ деревень были безпрерывно вооружены, крѣпко бодрствовали днемъ и ночью и всегда мужественно поражали непріятельскія скопища, не смотря ни на какіе ихъ угрозы и презирая всѣ ихъ обольщенія. —

Нѣкоторые изъ легкомысленныхъ Французскихъ чиновниковъ, надѣясь лживою набожностію обольстить Русскихъ простолюдимовъ, заставляли въ нѣкоторыхъ церквахъ

служить молебны и акафисты Чудотворцу Николаю, и въ тоже самое время срывали оклады съ Угодниковъ Божіихъ. Съ такими замыслами пришла многочисленная шайка Французовъ въ села: *Велино*, *Кривцы* и *Софьино*. — Но крестьяне сихъ селъ, вмѣсто всякаго отвѣта на лесть и коварство Французскихъ разбойниковъ, немедленно вооружились, напали стремительно на непріятелей, и не смотря на то, что въ селахъ ихъ отъ выстрѣловъ Французскихъ горѣли домы, сразились съ ними мужественно, разбили ихъ, одиннадцать человѣкъ положили на мѣстѣ сраженія; сорокъ шесть взяли въ плѣнъ съ оружіемъ и повозками, а прочіе разсѣялись отъ страха и спаслись бѣгствомъ. — Французской Маршалъ Графъ Морицъ сказалъ: „*что быстрота ногъ воюетъ*: — можно сказать, что *быстрота ногъ спасаетъ*; ибо въ нынѣшнюю войну не только отъ настоящихъ воиновъ, но и отъ крестьянъ Русскихъ Французы спасались *быстротою ногъ*!

Удивительный характеръ Русскаго народа! Крестьяне, вѣрною грудью отстаивая родныя свои пепелища, не хотѣли воспользоваться вражескою корыстью; все взятое ими у Французовъ, вручили они Козакамъ для препровожденія куда слѣдовало.

КОНЕЦЪ.